

The background of the cover is a detailed illustration of a man and a woman in a cozy living room. The woman, on the left, is a demon with purple horns, pointed ears, and a long purple tail. She is wearing a shiny, pink, two-piece outfit. The man, on the right, is a handsome young man with brown hair, wearing a dark blue suit jacket over a white shirt. They are standing close together, looking towards the viewer. The room has warm lighting, a lamp, and some plants.

Татяна
Сотскова

Контракт
на
счастье
Демон-катастрофа!

Сотскова Татьяна
Контракт на счастье.
Демон-катастрофа!

<https://litres.ru/74227427>

Аннотация

Осторожно!!! В вашем доме может появиться милое существо, которое уничтожит всё, кроме вашей тоски. И то — не факт.

Вадим был обычным несчастным человеком. Но однажды он совершил роковую ошибку: попробовал стать счастливым.

Теперь у него есть Тиль. Она похожа на человека, если не считать маленьких нюансов в виде рожек, хвоста и полного отсутствия понимания, как устроен человеческий мир. Её помощь — это то, что обычно случается ПЕРЕД тем, как вызывают скорую, МЧС и экзорциста.

Внимание, спойлер!!! К концу этой истории чудом никто не пострадал. И то, состояние квартиры и психики ее хозяина под большим вопросом!

Содержание

Визуализация. Знакомство с книгой.	4
Глава 1	5
Визуализация. "Ты кто?"	20
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	49
Визуализация. Уютный халат	68
Глава 5	69
Визуализация. Я просила МЯСО!	90
Глава 6	91
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Визуализация. Знакомсов с книгой.

Аннотация:

Осторожно!!! В вашем доме может появиться милое существо, которое уничтожит всё, кроме вашей тоски. И то — не факт.

Вадим был обычным несчастным человеком. Но однажды он совершил роковую ошибку: попробовал стать счастливым.

Теперь у него есть Тиль. Она похожа на человека, если не считать маленьких нюансов в виде рожек, хвоста и полного отсутствия понимания, как устроен человеческий мир. Её помощь — это то, что обычно случается ПЕРЕД тем, как вызывают скорую, МЧС и экзорциста.

Внимание, спойлер!!! К концу этой истории чудом никто не пострадал. И то, состояние квартиры и психики ее хозяина под большим вопросом!

Проды раз в 3-4 дня)

Глава 1

Гостиная загородного дома тонула в бархатном, густом мраке, который, казалось, можно было потрогать руками. Воздух был неподвижен и прохладен, как в склепе, пропахшем одиночеством и дорогой пылью. Широкоэкранный телевизор — черный саркофаг в центре комнаты — тускло отражал искаженное подобие мира: торшер-призрак, сгорбленную фигуру на диване, призрачное свечение экрана.

Этот свет, исходящий от ноутбука на столе из темного дерева, был похож на болотный огонек — матовый, неровный, зовущий в трясины бессмысленного бдения. Рядом с ним, как верный, но подозрительно быстро опустошаемый спутник, стояла бутылка армянского коньяка. От нее осталась лишь треть, словно жизнь Вадима к этому часу тоже изрядно выпили. В граненом бокале неспешно умирал последний янтарный остаток.

Сам Вадим был размазан по кожаному дивану, как неудачный эскиз. Ноги заброшены на барсетку из крокодиловой кожи — подарок, который он в душе всегда считал безвкусным. Ноутбук стоял на животе, и его мертвенное тепло сквозь рубашку напоминало о некоем живом, но больном органе, пришитом к телу.

Пальцы лениво ползали по трекпаду, листая ленту новостей. Это был не поиск информации, а нервный тик, циф-

ровое подергивание век. Строительные графики, отчеты по сметам, циферки в таблицах — все это было похоже на надписи на давно забытом языке, лишенное смысла. Его взгляд был пуст и устремлен куда-то за пределы экрана, в параллельную вселенную, расположенную где-то между потрескавшейся от сухости шкурой дивана и собственной черепной коробкой.

С тихим стуком он отправил ноутбук на стол и поднялся. Мышцы ныли от неподвижности. Он подошел к панорамному окну, за которым царила абсолютная, космическая тьма.

«Купил дом с видом на природу. Вид оказался на черный прямоугольник по двенадцать часов в сутки. Гениальная инвестиция», — с горькой усмешкой подумал он.

Вернувшись, он налил остатки коньяка. Звук плещущейся жидкости в гробовой тишине прозвучал скандально громко, словно выстрел. Он сделал глоток, не садясь, ощущая, как по пищеводу медленно стекает огненная улитка, не принося ни тепла, ни покоя.

Рука сама потянулась к смартфону. Экран вспыхнул, ослепив ядовито-синим светом, от которого заныли уставшие глаза. В календаре на сегодняшней дате алел, как свежая рана, значок — годовщина. Не та, что празднуют с шампанским. Другая. Палец резко, почти с ненавистью, вдавил кнопку блокировки, и синий вампир сдох, оставив после себя лишь цветные пятна на сетчатке.

Он плюхнулся на диван, снова пригрел на животе ноут-

бук-грелку. Бесцельное времяпрепровождение возобновилось с новой силой. Соцсети. Юмор. Анекдоты. Мемы.

«Почему армянин на поминках грустит? Потому что не он был инициатором мероприятия». Вадим хмыкнул. Это был не смех, а скорее рефлекторный выдох, конвульсия диафрагмы. Его лицо оставалось каменной маской траурного клоуна. Он провел ладонью по лицу, медленно, с нажимом, словно пытаясь стереть не только усталость, но и само это лицо, под которым уже не было ничего.

Пальцы снова потянулись к бокалу сами, будто на автопилоте. Он допил коньяк, ощутив на языке горьковато-дубовое послевкусие неудачно прожитого дня. Поставил бокал на стол с таким глухим стуком, что, казалось, по стеклу поползла трещина. Поднялся. Тело было тяжелым, как будто его кости отлили из свинца депрессии.

«Надо размяться. Сделать зарядку. Лечь спать. Стать лучше... Или просто найти еще одну бутылку», — пронеслось в голове калейдоскопом бестолковых советов самому себе.

Он снова вернулся к ноутбуку. Палец замер над трекпадом. Чего он хотел? Не знал. Может быть, найти в этом цифровом океане хоть одну живую душу. Хоть что-то.

Пальцы Вадима, холодные и одеревеневшие, замерли над клавиатурой. Внезапно, будто прорвав плотину из ваты и апатии, внутри него что-то коротко и зло дернулось. Раздражение, тупое и горячее, как несварение желудка. Он с силой, несоразмерной простому действию, ударил по клави-

шам, вбивая в поиск безнадежный, детский запрос: «как отвлечь себя от...».

Поисковик, этот цифровой ясновидящий, тут же подсказал продолжение, будто насмехаясь: «...от грустных мыслей», «...от тоски», «...от всего».

«От всего! — мысленно крикнул Вадим. — Именно, чёрт побери, от всего!» Он ткнул в последний вариант, чувствуя себя идиотом.

Экран заполонила парадная процессия банальностей. Он листал страницу, и его взгляд, скользя по заголовкам, цеплялся за них с одинаковым, вымученным отвращением.

«5 способов медитации для начинающих».

«Да, — мысленно прокомментировал он, — сиди и считай вдохи, пока из ушей не пойдёт дым. Проверено: помогает лишь обнаружить, что твой собственный мозг — скучнейший собеседник».

«Дыхательные практики против тревоги».

«Прекрасно. Начинаешь дышать, как женщина в родах, сердце колотится, как агонизирующая птица, и единственная мысль: «Я сейчас или умру, или рожу слона. И то, и другое не сулит ничего хорошего».

«Как ведение дневника меняет вашу жизнь».

«Меняет, блин, — усмехнулся он про себя. — Особенно когда перечитываешь записи годичной давности и понимаешь, что был тем же самым лузером, только с большим количеством иллюзий. Сжечь надо было, а не вести».

Он пролистал ниже, за вторую, за третью страницу выдачи. Интернет-советы, как и его жизнь, становились всё более отчаянными и абсурдными.

«Переставить всю мебель в доме».

«Чтобы сломать ногу о тот же диван, но в темноте и под другим углом? Гениально».

«Начать учить язык хинди».

«Завести муравьиную ферму».

И тут, в самом низу, на форуме с дизайном, напоминающим раскопки цифрового каменного века — с пляшущими гифками, кричащими баннерами «СКАЧАЙ БЕСПЛАТНО!» и аватарами в виде пиксельных анимэ-девушек, — он нашел его.

Пост был заброшенным, последний ответ оставлен три года назад, словно сообщение в бутылке, выброшенное на берег его браузера. Его зацепил никнейм автора — «Веселый_Чародей». Звучало так глупо и безнадежно, что это почти вызывало доверие. Кто-то в теме, с ником «Тёмный_ангел_одиночества», жаловался на черную полосу и спрашивал, как выйти из депрессии.

Комментарий «Веселого_Чародея» был коротким, кричаще-неуместным и стоял особняком, как клоун на похоронах:

«Бро, нарисуй солью круг на полу. Положи внутрь свою самую любимую еду (только честно! не ври самому себе!) и прочитай любое стихотворение, что знаешь наизусть. Детское считалочку — не прокатит! Классика! Гарантирую —

отвлечешься так, что на утро забудешь, как тебя зовут! Проверено!»

Вадим несколько секунд просто смотрел на эти строки, его лицо было каменным. Его первый порыв — фыркнуть, закрыть вкладку и пойти мыть посуду, чтобы почувствовать себя полезным членом общества. Но что-то удержало. Не мистическое предчувствие, нет. Абсурдность. Полная, тотальная, кристально чистая.

И это слово — «Гарантирую». Такое наглое, такое идиотское, такое... честное в своем идиотизме. Это был не очередной унылый совет из разряда «полюби себя», а прямое руководство к немедленному, бессмысленному действию.

И в этой бессмысленности была своя, уродливая прелесть. Вадим фыркнул — короткий, сухой звук, больше похожий на выдох пыли из старого мешка. Его палец, предательски дрогнув, всё же нашел крестик в углу вкладки, и форум с его «Веселым_Чародеем» испарился, оставив после себя лишь первозданную синеву рабочего стола.

«Ну конечно. Бред сивой кобылы в лунную ночь, — мысленно провозгласил он, с наслаждением растягивая слова. — Высшая лига идиотизма. Нарисовать круг. Стихи читать. Это что, рецепт от сглаза или приворотное зелье для одиноких душ?»

Он с силой откинулся на спинку дивана, как марионетка с перерезанными нитями. Кожаный матрас с противным шуршанием принял его вес. Голова запрокинулась, и взгляд

упёрся в идеально ровный, скучный потолок. Но глаза, эти предатели, почти сразу же, будто против его воли, съехали в сторону камина. Туда, где в серебряной рамке, холодной и идеальной, застыло её лицо.

Она смеялась. Запрокинув голову точно так же, как он сейчас. Но в её движении была не усталость, а взрыв чистой, ничем не омраченной радости. Глаза превратились в щелочки, из которых, казалось, вот-вот брызнут слезы счастья. В руках она сжимала тот самый, до невозможности дурацкий, гигантский крендель с ярмарки. Он был больше её головы.

«Помню, как ты потом неделю его грызла, как бурундук, и крошки были повсюду, даже в моих ботинках», — пронеслось у него в голове. Она всегда тащила его в самые нелепые авантюры. Заставляла петь дуэтом похабные песни под проливным дождем. Рисовала смешные рожицы на запотевшем стекле его нового мерседеса, а он делал вид, что злится.

И тут его осенило. Не как вспышка, а как медленно расходящаяся волна тепла. Ясно и неоспоримо, будто она стояла за его спиной и прошептала на ухо, пахнущее конфетами и ветром:

«Ну давай же, скупердяй. Соль у нас есть. Стишок какой-нибудь дурацкий ты знаешь. Или боишься, что у тебя даже это не получится?»

Мысль прозвучала не как грубое воспоминание, а с лёгким, знакомым до слёз укором и той самой озорной усмешкой, перед которой он был всегда бессилен.

Что-то в нём сломалось. Не с грохотом, а с тихим, облегчающим щелчком, словно лопнула струна, которую годами перетягивали. Его цинизм, этот верный, проржавевший щит, вдруг стал невыносимо тяжёлым. Он выдохнул, и вместе с воздухом из него, казалось, ушла вся борьба, вся усталость от самого себя.

«Ладно... Ты победила, — беззвучно прошептал он в пустоту, глядя на её фото. — А почему бы и нет, в конце-то концов? Хуже уже не будет. В самом худшем случае — посмеюсь над собой, любимым. Гарантированное отвлечение, как-никак. Чародей ручается».

Решение было принято. Не с воодушевлением искателя приключений, а с тотальной, почти возвышенной капитуляцией. Он сдавался. Не жизни, не тоске, а абсурду. И в этом была своя, странная свобода.

С тяжёлым, нарочито театральным вздохом, который в пустой комнате прозвучал подозрительно искренне, он поднялся с дивана.

— Ну что ж, — провозгласил он вслух, — начинается великое мистическое действо — цирк в загородном доме. С солью, свечами и детским стишком.

Его ноги сами понесли его на кухню, с высокой миссией найти пачку соли и каплю хоть какого-то смысла в этом священном безумии.

Он стоял посреди гостиной, в левой руке зажав пачку соли «Экстра», и чувствовал себя последним идиотом. Идиотом,

который платит налоги и знает, как читать EBITDA-отчёт, но в два часа ночи решил заняться шаманством. Просторный паркет, обычно безупречный и холодный, теперь казался ареной для самого унижительного в его жизни представления — «Одинокий дурак и его соль». Тишина в доме стала звенящей, почти враждебной, будто сам воздух скептически поднял бровь.

«Ну, Шаман из Подмосковья, дело сделано, — с вызовом подумал он, встряхивая пачку. — Главное — не раздумывать, а то одумаешься».

Скептическая усмешка искривила его губы. Он наклонился, взял щепотку соли и провел по полу бледную, прерывистую линию. Она была похожа на кардиограмму умирающего или траекторию падения пьяного муравья.

«Эх, была не была... Ведьму с Садового кольца заказывали такси?» — мысленно фыркнул он и, взяв пачку полнее, пошел по воображаемой окружности, рассыпая белые кристаллы с видом сеятеля, засевающего поле абсолютной безнадеги.

Круг получился не круглым, а яйцевидным, сдавленным с одного бока, словно его неудачно пытались высидеть. В нескольких местах соль лениво расползлась неуверенной паутинкой. Он отступил на шаг, скрестив руки на груди, и оценил свое убогое творение.

«Шедевр. Назову «Овация одиночеству» или «Порочный круг дурака». Сойдёт для стартапа в сфере эзотерических

услуг».

Настал черед «жертвоприношения». Он отправился на кухню, и его ждало суровое разочарование. Холодильник сиял стерильным, пустынным светом. Полупустая горчица, заветренный сыр, яйца. Ничего, что хоть отдаленно можно было бы с пафосом назвать «любимой едой». Готовить что-то с нуля в его состоянии было равносильно попытке взойти на Эверест в тапочках.

И тут его взгляд упал на верхнюю полку шкафа. Там, как артефакт из другой жизни, стояла тяжелая банка дорогого вишневого варенья, купленная когда-то для гостей, которые так и не приехали. Этичные ягоды, замкнутые в своем сладком янтаре.

«Любимая еда... — с горькой усмешкой подумал он, снимая банку. — Ну да, конечно. Особенно для демонов, диабетиков и прочей нечисти. Звучит солидно. «Призываю тебя, дух забвения, вкушением сиропа вишневого!»

Он с грохотом поставил тяжелую стеклянную банку в центр кривобокого соляного овала. Ярко-алые ягоды, застывшие в густом сиропе, казалось, с немим укором смотрели на него сквозь стекло.

«Ну чего уставились? Вы теперь — сакральный объект». Остался последний, самый унижительный штрих.

«Стихи... — с тоской подумал Вадим, потирая переносицу. — Какие я вообще стихи помню? Кроме «Я русский бы выучил только за то...» да «Мы в город Изумрудный

идем...»?»

Память, верная слуга в бизнесе, здесь предательски пуствовала. В голове крутились только обрывки, заученные когда-то из-под палки.

«Буря мглою небо кроет...» — «Слишком депрессивно

«Любви, надежды, тихой славы...» — «Слишком пафосно и иронично, учитывая обстоятельства. Прямо эпитафия для моего здравого смысла».

И тут, как первая строчка из таблицы умножения, само собой, откуда-то из самых запыленных закутков сознания, всплыло:

«Я помню чудное мгновенье...»

Да, Пушкин. Универсально, классически, пафосно и банально. И самое главное — единственное, что он смог уверенно вспомнить до конца. Идеальный гимн для полного, окончательного и бесповоротного идиотизма.

Он глубоко вздохнул, как перед прыжком с парашютом, готовясь к кульминации своего ночного позора. Воздух в гостиной застыл в ожидании.

Он встал перед своим убогим творением, чувствуя, как по спине бегут мурашки — но не от страха, а от осознания полнейшего, эпического абсурда. Соляной круг казался ему теперь не магическим символом, а ярлыком «ИДИОТ», начертанным на паркете невидимой рукой вселенской насмешки. Первые строчки — «Я помню чудное мгновенье...» — вырвались из него приглушенным, сиплым шепотом, словно он

признавался в государственной измене. Он бросал нервные взгляды на окна, наполовину ожидая увидеть в темноте прилипшие к стеклу лица соседей с видеокамерами.

Но по мере того, как знакомые слова текли сами собой, спасительный абсурд начал делать свое дело. В памяти всплыли давно забытые образы. Пыльный школьный кабинет с выцветшей картой полушарий, кислый запах мела и мокрых пальто. Он, пятнадцатилетний, у доски, бубнит это самое стихотворение под пристальным, сонным взглядом Марьи Ивановны, судорожно пытаюсь вспомнить, что же было «передо мной явилась ты».

«И ведь так и не явилась тогда, — мелькнула у него мысль. — А вот сейчас является банка варенья. Прогресс налицо».

Абсурд ситуации достиг своего апофеоза: взрослый, состоявшийся мужчина, который утром утверждал многомиллионные сметы, теперь стоял ночью в своем дорогом доме, с пафосом декламировал Пушкина стеклянной банке, окруженной дешевой солью из супермаркета.

И тут это случилось. Уголки его губ, так долго бывшие подтянутыми вниз тяжестью грусти, вдруг предательски дрогнули. Сначала неуверенно, как будто ржавые петли, потом все шире. Он поймал себя на том, что читает уже громче, с нарочито театральным пафосом заштатного актера, размахивая рукой и упиваясь собственным дурачеством.

«Шекспировский театр нервно курит в сторонке», — пронеслось в голове.

— Передо мной явилась ты! — провозгласил он банке с вишневым вареньем, указывая на нее пальцем, и его голос прозвучал почти торжествующе. И он УЛЫБАЛСЯ. Широко, по-дурацки, до ушей, обнажая сомкнутые зубы. Это был не тот сдержанный, вежливый оскал, что он демонстрировал партнерам. Это была первая за многие месяцы настоящая, неконтролируемая, почти истерическая улыбка. Сам того не замечая, он начал тихо смеяться — хрипловато, с присвистом.

Закончив на возвышенной ноте — «И сердце бьется в упоенье...» — он несколько секунд стоял в тишине, слушая, как в ушах звенит от неожиданного прилива чувств и собственного смеха. Затем, всё ещё с этой новой, непривычной и немного дурацкой улыбкой на лице, он добавил уже от себя, глядя на алые ягоды за стеклом с внезапной, детской надеждой:

— Ну, и... если уж на то пошло. Хочу, понимаешь ли, снова этого... упоения. Без варенья. Так, чтоб сразу в душу. Аминь, шерше ля фам и иншаалла».

Он вздохнул, и это был вздох облегчения, будто он наконец-то вынес на помойку гирю, которую таскал в себе целый год.

Слово «аминь» еще вибрировало в воздухе, когда мир перевернулся.

В ту же секунду кривобокий круг из соли вспыхнул ослепительным фиолетовым светом. Он был не просто ярким —

он был плотным, почти осязаемым, выжигающим сетчатку. Резкий, едкий запах озона, как после мощной грозы, ударил в нос, смешиваясь со сладковатым и неприятным ароматом подгоревшего вишневого варенья. Воздух затрепетал, зазвенел, словно натянутая струна.

Из самого эпицентра этого хаоса, из клубка фиолетового свечения, вывалилась на паркет женская фигура с глухим стуком.

Улыбка мгновенно слетела с лица Вадима, будто её и не было. Он застыл, вцепившись пальцами в собственные ладони. Его глаза расширились до предела, безумно вглядываясь в происходящее. Мозг, отказываясь верить, лихорадочно перебирал версии:

«Это... галлюцинация? Перебрал с коньяком? Я окончательно свихнулся?»

Свет погас так же внезапно, как и появился, оставив после себя лишь тлеющие пятна на паркете и стойкий запах гари. На полу, посреди оплавленного места, где секунду назад стояла банка, сидела девушка. Она была одета в пижаму нежно-розового цвета с вишенками с глазами, смешко подмигивающими всем, кто на них смотрит..

Ее каштановые волосы были растрепаны, словно она только что проснулась. Но самое главное — из пушистой макушки торчали два маленьких, изящно изогнутых рожка, а из-за ее спины беспокойно бился, хлеща по паркету, похожий на кошачий хвост, заканчивающийся маленьким, острым, как

стрела, наконечником.

Она подняла голову. Огромные, миндалевидные глаза, цвета расплавленного золота, полные животного ужаса, уставились на Вадима. Её грудь судорожно вздымалась.

И она выдохнула. Слова были на странном, гортанном языке, но магия, стоявшая за ними, донесла смысл прямо до его сознания, ясный и неоспоримый:

— Э-это не я! Я ничего не делала!

Она судорожно отползла на пару сантиметров назад, прижимая к груди рукав своей дурацкой пижамы.

— Ты кто?!

Ледяная волна понимания, смешанная с адреналином, накрыла Вадима с головой. Это не было галлюцинацией. Это не был бред. Пахло горелым, паркет был испорчен, а перед ним сидело самое настоящее, живое, дышащее и абсолютно перепуганное нечто. Его жизнь, серая и упорядоченная, только что с треском перевернулась с ног на голову.

Визуализация. "Ты кто?"

И она выдохнула. Слова были на странном, гор-
танном языке, но магия, стоявшая за ними, донес-
ла смысл прямо до его сознания, ясный и неоспори-
мый:

 — Э-это не я! Я ничего не делала!

 Она судорожно отползла на пару сантиметров
назад, прижимая к груди рукав своей дурацкой пижа-
мы.

 — Ты кто?!

 Ледяная волна
понимания, смешанная с адреналином, накрыла Ва-
дима с головой. Это не было галлюцинацией. Это не
был бред. Пахло горелым, паркет был испорчен, а пе-
ред ним сидело самое настоящее, живое, дышащее
и абсолютно перепуганное нечто. Его жизнь, серая и
упорядоченная, только что с треском перевернулась с
ног на голову.

Глава 2

Комната Тиль представляла собой идеальный шторм из магического хаоса и подросткового непотребства. Воздух был густым коктейлем из запахов: нота жженой серы, сладкий аромат засахаренных лилий, едкий дух перегара от вчерашнего зельеварения и тонкий шлейф ладана, который был нужен, чтобы скрыть предыдущие три. Стены колыхались живыми тенями, но их величественный ужас портили повсюду наклепленные постеры. На них демонические рок-группы вроде «Адовы Скалки» и «Плач Грешника» корчили рожи, залитые неоновым светом, а один бас-гитарист и вовсе сёрфил на волне лавы, беззаботно махая рукой. На полке, солидно соседствуя с черепом некогда знаменитого жнеца-неудачника, теснилась коллекция кристаллов. Они по ночам не просто шептались, а сплетничали самым бессовестным образом.

В эпицентре этого буйства, на кровати с балдахином из паутины (собранной лично, с большим трудом и против воли пауков), посапывала сама виновница торжества. Тиль уткнулась лицом в подушку в форме улыбающегося, но подозрительно зубастого солнышка. Её хвост был небрежно обмотан вокруг ноги, как домашний питон, а изящные рожки основательно застряли в наволочке, угрожая порвать ткань.

Идиллию, как молотком по хрустальному черепу, разнёс

резкий, булькающий звук. По тумбочке скакала маленькая фиолетовая амёба — её магический будильник «Пронзительный Визгун». Она не просто звонила, а отчаянно дрыгала ложноножками и орала так, будто её резали.

Тиль, не открывая глаз, с размаху шлёпнула по тумбочке. Рука встретила холодную, противно желеобразную поверхность. Амёба издала звук, средний между «квак» и «бульк», и, обиженно съёжившись, замолчала.

— Ещё пять минуточек, Люцифер... — пробормотала она, поворачиваясь на спину и потягиваясь так, что её рожок с глухим стуком чиркнул по абажуру светильника, свисавшего над кроватью. Светильник, кстати, был сделан из застывших грешных душ. От удара они дружно, сонно вздохнули.

Её взгляд, затуманенный сном, упал на магический календарь на стене. Цифры, обычно мерцавшие спокойным зелёным, сейчас пылали тревожным, ядовито-алым цветом.

Она застыла на секунду, словно её поразило заклинание паралича. Потом резко, как пружина, села на кровати.

— ЧЁ-ЁРТ! — вырвалось у неё громко, хрипло и с такой силой, что тени на стенах отшатнулись.

Она схватила амёбу-будильник и принялась трясти её так, что та расплющилась в фиолетовое месиво.

— ЧЁРТ! ЧЁ-Ё-ЁРТ! — повторила она, уже почти срывающимся на визг голосом, впиваясь взглядом в дату. — Сегодня же День Защиты! Я ПРОСПАЛА его, как последняя смертная!

В голове моментально, как по заклятию паники, пронеслись обрывки тех самых «страшилок», которые вдалбливали ей с пелёнок. Голос её бабушки, старой, выдавшей виды демонессы, прожжённой, как глотка вулкана:

— ...и его, бедолагу, выдернули прямо из-за праздничного стола, когда он собирался откусить ножку жареного цыпленка! И демона больше никто и никогда не видел! Говорят, его перья пошли на декоративные подушки!

Голос отца, мрачнее и глубже, чем туманное озеро Отчаяния:

— ...а тот, что смог вернуться... Пустые глаза, и никакой воли. Теперь служит какому-то чародею-недоучке, ложечки считает и кофе на рассвете варит. Позор!

Сердце заколотилось где-то в районе горла, угрожая выпрыгнуть. Она лихорадочно осмотрела себя — все ли конечности на месте, не появилось ли внезапно желания вести праведный образ жизни? И тут её взгляд упал на левое запястье. На нём, едва заметно, словно последний уголёк в потухающем костре, мерцал браслет из тусклого золотистого света. Защитное заклинание! Оно ещё работало! Её не успели!

Выдох вырвался у неё с таким шумным облегчением, что хвост инстинктивно распушился и замер в воздухе пушистой кисточкой, словно у кошки, которая только что избежала купания.

— Тише, Тиль, собери свою рогатую башку воедино, — строго сказала она сама себе, потирая запястье, где тепли-

лась защита. — Всё в порядке. Паника не помощник, а проводник прямиком в службу быта. Впереди ещё целых 12 часов! Всё успеешь! Успеешь подготовиться, найти укромное место... или просто сбежать в Нижние Миры к дяде Вельзевулу!

Она швырнула помятую амёбу обратно на тумбочку (та, флегматично квакнув, принялась медленно восстанавливать форму) и решительно сползла с кровати. В этот момент ей казалось, что самое страшное в этом дне — это необходимость срочно найти заклинателя и продлить свою неприкосновенность.

Паника, kloкoтaвшaя в ней секунду назад, мгновенно испарилась, уступив место деловой, почти военной решимости. Двенадцать часов! Целая вечность! Можно успеть перевернуть все Нижние Миры, не то, что привести себя в порядок.

Тиль подскочила к своему туалетному столику, грубо вытесанному из базальтовой глыбы неким пещерным скульптором с причудами. Её отражение в полированном обсидиане было испуганным и помятым.

«Соберись, девочка!» — мысленно прикрикнула она на себя и схватила щётку для волос, рукоять которой была сделана из позвоночника какого-то мелкого грешника.

Её чёрные, как смоль Ада, волосы взметнулись в воздухе, послушно укладываясь в идеальную, ниспадающую волну — результат столетия тренировок и пары неудачных заклина-

ний, навсегда изменивших структуру волоса. Она смочила пальцы в изящной чаше с росой, собранной на заре с Лунных полей (бабушка присылала раз в столетие, экономно), и аккуратно пригладила непослушную прядь.

— Сегодня всё должно быть безупречно, — прошептала она своему отражению. — Никакому заклинателю не удастся устоять перед такой внешностью. Или... содрогнуться? В общем, главное — произвести впечатление!

Затем настал священный ритуал — чистка рогов. Она с благоговением достала специальную щёточку с мягчайшей щетиной из хвоста единорога (подарок на совершеннолетие; беднягу потом три недели отпаивали элексиром спокойствия). С профессиональным видом дипломированного косметолога Ада она принялась начищать свои маленькие, изящно закрученные рожки сливового оттенка.

— Круговыми движениями, без нажима, — повторяла она заученные правила. Рожки засверкали, отражая мерцание лавы за окном, как отполированные драгоценные камни.

— Блестящие рожки — визитная карточка респектабельного демона, — бормотала она, вспоминая наставления матери. — Никаких сколов, никаких матовых участков! Позор семье!

Следующими на очереди были клыки. Она оскалилась перед зеркалом, оценивая их длину и остроту.

— Не акула, конечно, но для устрашения среднестатистического смертного сгодится.

Она тщательно прошлась по ним щёткой с пастой «Адское сияние», которая не только давала ослепительный блеск, но и оставляла приятное послевкусие корицы с серой и лёгким оттенком жжёного сахара.

Её хвост с пушистой угольно-чёрной кисточкой в это время нетерпеливо подрагивал, выбивая нервную барабанную дробь по ножке стула. Она уже представляла, как вечером, вернувшись с обновлённым заклинанием, будет валяться на диване, смотреть комедию про злобных магов людей и хохотать над своими утренними страхами, заедая всё это жареным мясом.

Напоследок настал черёд главного — кисточки на хвосте. Она взяла гребень из кости дракона-подростка (кость лучше всего подходила для тонких волокон) и с особым тщанием, словно хирург, выполняющий ювелирную операцию, принялась расчёсывать её, придавая идеальную, пушистую сферическую форму.

— Вот, — с удовлетворением выдохнула она, оценивая результат. — Теперь ты не просто демон, ты — ухоженный демон с перспективами.

Она подскочила к шкафу и, отодвинув несколько мрачноватых балахонов достала свою самую сокровенную, самую стыдную и потому самую любимую вещь — пижаму. Она была цвета рассвета над Бездной, а на ней виднелись вишенки с глазками, подмигивающие всему этому миру.. Мама подарила её на прошлое Новолуние, ворча, что дочка одева-

ется «слишком мрачно для своей постыдно весёлой натуры». Тиль натянула пижаму, и мягкая, как облако Четвёртого Неба, ткань приятно обволокла её кожу.

Случайно бросив взгляд на полку, она замерла. В зеркале, оправленном в резную кость древнего чудовища, отражалась не свирепая пожирательница душ из человеческих сказок, а симпатичная, немного взъерошенная девушка с блестящими рожками, аккуратными клыками и хвостом с безупречной пушистой сферой на конце. Существо, которое совсем не походило на того жуткого демона, которого все так боятся и которого в этот самый день могли в любой момент поймать и «обнулить».

На кухне царил привычный уютный хаос, пахнувший серой, имбирными пряниками и едва уловимым ароматом палёной резины от вчерашнего эксперимента с вечным двигателем.

Тиль, не садясь, одним махом осушила большую кружку чая «Пламенные лепестки», который не просто шипел, а яростно булькал, выплёскивая в воздух раскалённые брызги, пахнущие адским перцем и мятой. Она стояла у окна, глядя на вечно сумеречное небо, и нервно выбивала барабанную дробь заостренным коготком по подоконнику.

«Так, время тикает, демон не ждёт. Чёрт, надо было ставить будильник не только на амёбу, но и на светильник...»

Решив убить двух зайцев сразу — одеться и сэкономить драгоценные секунды — она рванула обратно в ком-

нату, швырнув кружку в раковину с повелительным щелчком: «Мойся!». Кружка обиженно звякнула, но послушно заскребла по своему боку губкой.

И тут, на полпути по коридору, украшенному фамильными портретами хмурых предков, мир внезапно качнулся. Не просто закружилась голова, а пол под ногами будто превратился в зыбкую трясину. Стены проплыли мимо, как призраки. Тиль остановилась, вцепившись в косяк своей двери так, что из-под её ногтей посыпалась древняя краска.

«С чего бы? — промелькнула спутанная мысль. — Не выпалась... Или это Люцифер тайком подмешал в сахар что-то веселящее?»

Она покачала головой, пытаясь стряхнуть ощущение, будто её только что раскрутили на карусели в девятом круге Ада, и подошла к распахнутому шкафу. Её рука потянулась к её любимой темно-бордовой кофте с асимметричным кроєм, которая очень шла к рогам, как вдруг...

Накатилa вторая волна. Не волна — цунами. Тошнота, острая и солёная, подкатилa к самому горлу. В глазах поплыли чёрные и алые пятна, а в ушах зазвенело так, будто внутри черепа разбилась хрустальная ваза. Она инстинктивно вцепилась в дверцу шкафа, и массивное дерево с треском поддалось её демонической силе, оставив на панели следы от когтей. Равновесие упорно отказывалось возвращаться.

И в тот же миг её левое запястье, где всего полчаса назад мерцал защитный браслет, пронзила острая, жгучая боль. Не

удар током — скорее, ощущение, будто под кожу впиалась раскалённая игла и рвёт живую плоть вместе с нервами.

В голове, словно набат, заглушая звон в ушах, завопил её собственный, перекошенный ужасом внутренний голос:

«Не может быть! Не сейчас! Оно же должно держаться до вечера! Этот старый козел-мастер клялся на своём посохе, что запас прочности — ровно двенадцать часов, ни минутой меньше! Он что, на барабанной перепонке демона клялся?!»

Её взгляд, затуманенный болью и паникой, упал на запястье. И сердце её упало куда-то в бездну. Браслет из тусклого света теперь был похож на порванную высоковольтную линию, его золотистое свечение сменилось алыми, прерывистыми, истеричными вспышками. Он трещал и искрился, словно в агонии, посылая в пространство последние сигналы SOS.

Тиль застыла, не в силах оторвать глаз от этого зрелища. Её собственное дыхание стало учащённым и поверхностным, а в голове пронеслась единственная, кристально ясная и от того ещё более ужасная мысль:

«Оно не просто кончается... оно уже кончилось. И кто-то уже начинает дергать за ниточку».

Мир вокруг не просто изменился — он взорвался, перемолол её в фарш ощущений и выплюнул с другой стороны реальности. Её швыряло в спираль какого-то космического, светящегося слизня, который к тому же был настроен на частоту вселенской мигрени. Знакомые очертания комна-

ты — бархатный лиловый сумрак, ядовитый шепот кристаллов-сплетниц, уютный запах серы и имбирных пряников — всё это порвалось, как гнилая паутина. Их сменил оглушительный рёв, будто она падала в лифтовой шахте, пролетая все девять кругов Ада за три секунды.

Потом — тишина. Абсолютная, давящая, как будто её зашунули в вату. И из этой тишины начали пробиваться звуки: навязчивое, ровное гудение неведомого прибора (холодильник? она читала о них!), мерное тиканье (часы! смертные так помешаны на времени!) и оглушительная дробь её собственного сердца, выскакивающего через горло.

Она моргнула, заливая слезами пересохшие, выжженные странным ярким светом глаза. Картина перед ней плыла, как в самом дурном сне после несвежей грешницы, но постепенно складывалась во что-то чужеродное, стерильное и пугающе чёткое.

Свет — не тёплый отсвет лавы, а холодный, бездушный электрический луч — резал зрачки. Вместо базальтовых стен и мебели из резной кости древних чудовищ — гладкие, скучные белые поверхности и странные, слишком правильные конструкции из какого-то дерева и ткани. И в центре этого бездушного пейзажа... мужчина.

Он сидел и смотрел на неё с таким выражением лица, будто его тостер не только испек хлеб, но и прочитал на нем сонет Шекспира.

С громким и совершенно недостойным демона «бух!» она

приземлилась на что-то неожиданно мягкое и упругое.

«Ковёр! — пронеслось в голове. — Какое дивное, пушистое изобретение! Маме такой надо... если я, конечно, отсюда выберусь».

Она сидела в центре кривого, яйцевидного круга, выложенного из мелких белых кристаллов, которые больно впились в её ладони.

«Соль? Серьёзно? Этим они меня и призвали? До чего техника дошла...»

Её взгляд, ещё мутный от перемещения, скользнул по полу за пределами этого идиотского круга. И замер. Палец с коротким, аккуратно подпиленным коготком сам потянулся и ткнул в один из нарисованных на паркете замысловатых символов.

Символ подчинения. Самый базовый, самый унижительный. Его изучали в первом классе магического лица, чтобы знать, как избежать.

Шок, как ледяная волна, отхлынул, унося с собой последние остатки дезориентации. На смену ему пришло осознание, такое тяжёлое и леденящее, что у неё перехватило дыхание. Круги перед глазами окончательно рассеялись, и она в деталях разглядела человека перед собой.

Никаких мантий, шитых лунной пылью. Никакого посоха, выточенного из сердца дракона. Никакого ореола магической мощи, от которого мурашки бегут по коже. Просто... человек. В мятых, мягких штанах, в футболке с непонятной

надписью, с пустой бутылкой и одиноким бокалом на столе. От него не исходило ничего, кроме лёгкого запаха алкоголя и тотальной, вселенской растерянности.

А она... она сидела на полу в его гостиной. В своей самой стыдной пижаме цвета рассвета над Бездной с зайцами, скачущими на космических ракетах. С блестящими, только что начищенными рожками и безупречно расчесанной кисточкой на хвосте.

Она была в мире людей. Поймана. И всё это было так глупо, так нелепо и так унижительно, что хотелось либо расплакаться, либо спалить всё дотла. Но для поджога нужны силы, а их, похоже, не осталось.

«Ну почему? Почему заклинание защиты именно сегодня дало сбой? Ведь именно из-за его отсутствия, или слабости, меня смог выдернуть этот человек из моего собственного мира! И, как в старых сказках, меня сейчас подчинят».

Инстинкт сработал раньше, чем успела подумать её перегретая от ужаса голова. Её хвост, ещё секунду назад лежавший пушистой безделушкой, резко дернулся и туго обвился вокруг ноги, словно испуганная змея. Маленькие, начищенные до зеркального блеска рожки, в которые она только что вложила столько стараний, напряглись и наклонились вперед, превратившись из украшения в жалкое подобие оружия загнанного зверька. Каждая пора на её коже кричала тревогой, а по спине пробежали мурашки, будто по ней проехали айсбергом.

Её взгляд, лихорадочный и острый, как отточенный коготь, проскальзывал по кривобокому кругу из соли, впиваясь в каждый нарисованный на паркете символ.

«Сдерживающий круг. Универсальный, для начинающих. Уровень сложности: "для чайников"».

Шок и полное непонимание на лице призвавшего — классическая картина дилетанта, нашедшего заклинание на каком-нибудь сомнительном форуме между рецептом борща и объявлением о продаже дивана. И её собственная, леденящая душу уязвимость — браслет погас, магия утекла, как вода в песок, осталась только пижама с дурацкими зайцами, пара крошечных рожек и пушистый хвост, который от страха сейчас распушился в два раза больше.

«Папа... был прав, — пронеслось в голове, гулко, как погребальный колокол. — Мама... была права. Даже бабушка, вечно ворчавшая, что молодёжь слишком легкомысленна... и та была чертовски права».

Обрывки страшилок, которые она всегда считала не более чем сказками, чтобы пугать маленьких демонят и заставлять их доедать кашу, вдруг сплелись в единую, ужасающую панораму её ближайшего будущего.

Голос отца, мрачный: «...и его выдернули прямо из-за праздничного стола... Используют, пока от силы не останется один лишь пепел...»

«Это конец. Я в ловушке. Я — очередная история, которую будут рассказывать у костра, чтобы непослушные демо-

нессы вовремя ложились спать».

Она медленно, будто против своей воли, подняла голову. Её огромные, золотистые глаза, всегда такие дерзкие, теперь были полны навернувшихся слез и чистого, животного ужаса. Её взгляд встретился с взглядом Вадима. В её глазах не было ярости повелительницы Тьмы, не было угрозы. Только немой, отчаянный вопрос: «Зачем?» и леденящее предчувствие своей судьбы.

Она не рычала, не скалила клыки, не извергала пламя. Она просто съежилась, обняла себя за плечи тонкими руками, и из её груди вырвался тихий, сдавленный звук — нечто среднее между выдохом, стоном и детским всхлипом.

Все её страхи, все эти дурацкие «страшилки» из детства, в которые она так упорно отказывалась верить, оказались чистейшей правдой. И самая ужасающая ирония заключалась в том, что её тюремщик, её будущий надсмотрщик, выглядел... до смешного, до слёз обычным. И от этого было ещё страшнее.

— Э-это не я! Я ничего не делала!

Она судорожно отползла на пару сантиметров назад, прижимая к груди рукав своей дурацкой пижамы.

— Ты кто?!

Глава 3

Воздух в гостиной застыл, густой и тяжёлый, словно его можно было резать ножом. Он был наполнен странной смесью запахов: едкий дух озона, сладковатый дым сгоревшего вишнёвого варенья и... паника, у которой, как выяснилось, тоже есть свой запах — резкий и металлический.

Между Вадимом и существом, сидящим на его полу, висел невидимый, но абсолютно осязаемый барьер. Он был сложен не только из белых кристаллов соли, но и из всепоглощающего, тотального непонимания, навалившегося на обоих тоннами.

Тиль сидела, буквально вжавшись в ворс ковра, словно пыталась в нем раствориться. Её золотые глаза, широко раскрытые от чистого, животного ужаса, были пригвождены к Вадиму. Каждый её мускул был напряжён до дрожи, хвост обмотан так туго, что мог бы служить тросом для лифта, а кисточка на конце беспомощно подрагивала. Она ждала. Ждала хоть какого-нибудь движения, слова, жеста, которые подтвердили бы все её худшие кошмары. Увидев, как он произвольно сделал шаг вперёд, она резко, пятясь, как краб, отползла в самый центр круга, издав тихий, испуганный звук, похожий на шипение чайника.

«Сейчас начнётся... Сейчас он произнесёт заклятье... или достанет священный артефакт... или просто пнет меня но-

гой...»

Вадим не двигался. Он застыл, как монумент собственному когнитивному диссонансу. Его мозг, обычно работавший с точностью швейцарских часов и отлично справлявшийся с дедлайнами и многомиллионными сметами, теперь напоминал перегруженный процессор, пытающийся запустить видеоигру на неподдерживаемой платформе. Сигналы от глаз — «девушка», «милая», «пижама с зайцами», «РО-ГА», «ХВОСТ» — конфликтовали, вызывая внутри него системную ошибку. Он не выглядел как повелитель тёмных сил. Он выглядел как человек, который заказал на AliExpress костюм для косплея, а ему прислали настоящего инопланетянина, да ещё и с претензией.

Панический, до тошноты страх Тиль сталкивался с абсолютным, почти клиническим шоком Вадима. Они замерли в этом немом, сюрреалистичном диалоге двух совершенно глухих друг к другу реальностей.

И тут взгляд Вадима, всё ещё затуманенный, начал медленно фокусироваться на деталях. Он заметил, что её пижама с нелепыми зайцами была сильно помята, будто она в ней не просто спала, а участвовала в ночном забеге с препятствиями. А на кончике её левого, изящно изогнутого рожка, прилипла крошечная, одинокая пылинка с его паркета — следствие недавнего не самого грациозного приземления.

И это... это странным образом подействовало на него сильнее, чем все рога и хвосты вместе взятые. Это сделало

её не мифическим монстром, а... кем-то реальным. Осязаемым. Уязвимым. Похожим на испуганного ёжика, который фыркает и показывают колючки, сам от себя пугаясь. Уголки его губ предательски дрогнули в намёке на что-то, ещё очень далёкое от улыбки, но уже и от парализующего ужаса. Это была тень мысли:

«Чёрт побери, у неё на роге пыль. И пижама... Боже, какая ужасная пижама. Это... мило».

Тиль, вся сжавшись в комок от страха, сделала глубокий, дрожащий вдох. Это был не крик ярости, а последняя мольба, вытягивающая из нее все силы. Звуки, вырывавшиеся из ее горла, были гортанными, полными отчаяния и странных щелкающих интонаций, словно кто-то пытался говорить на древнем языке, одновременно шипя раскаленными углями.

— П-пожалуйста, о великий и ужасный... — выдохнула она, спотыкаясь на каждом втором слове, — не накладывай на меня оковы послушания! Я буду... буду самой послушной! Я не стану противиться, даже если ты прикажешь мне перебирать рисовые зёрна от грешников! Только... — голос ее сорвался в почти детский шепот, — только не стирай мне память и не заточай мою сущность в кристалл вечного служения!

Она смотрела на него, её глаза — два испуганных золотых блюдца, в которых плескался ужас, — жадно ловили малейшую реакцию. Она ждала кивка, ухмылки, зловещего блеска в глазах — чего угодно, что подтвердило бы её статус плен-

ницы.

Но вместо этого мужчина медленно, с выражением полного и абсолютного ступора на лице, покачал головой. Он развел руками в том самом универсальном, абсолютно бытовом жесте, который означал: «я не понимаю ни слова».

Этот жест был настолько лишённым магической мощи, настолько обыденным, что это ошеломило Тиль сильнее, чем удар молнии.

«Он... он что, даже на Языке Теней не говорит? На каком же тогда... На языке смертных? Но это же примитивно!»

Разочарование, горькое и острое, как лезвие, пронзило её. Новый виток страха, холодный и липкий, сдавил горло.

«Он даже разговаривать со мной не хочет! — завопило в её сознании. — Считает меня недостойной диалога! Сразу перейдет к этапу подчинения!»

Она инстинктивно зажмурилась, вжимая голову в плечи так, что её собственные рожки уперлись в ключицы. Её хвост судорожно обвился вокруг талии, пытаясь создать хоть какую-то броню, а руки поднялись, чтобы прикрыть лицо. Она замерла, ожидая вспышки ослепляющего света, удара магического кнута, ледящего холода сковывающего заклятья — чего угодно, о чем так красочно и смачно повествовали родители.

Но ничего не произошло.

Тишь. Гул холодильника. И тихий, осторожный шорох.

Она приоткрыла один глаз, потом второй, с опаской глядя

сквозь щель между пальцами. Мужчина, видя её судорожную реакцию, инстинктивно отступил на шаг назад, подняв раскрытые ладони в жесте, который на любом языке галактики означал «я безоружен». Он не нападал. Он... отступал. И выражение его лица было не повелительным, а... растерянным. Он сам выглядел напуганным.

Эта мысль была настолько невероятной, так противоречила всему, что она знала о Владыках-Заклинателях, что заставила её трепет ресниц. Монстры из сказок так не делали. Они не пятились от своей добычи, глядя на неё с таким видом, будто она вот-вот взорвется.

Тиль, окончательно вымотанная страхом, плюхнулась на пол, как тряпичная кукла. Она обхватила колени руками, спрятав в них лицо, и начала бормотать себе под нос. Её монолог был шепотом сумасшедшего, перемежающимся всхлипами и странными щелчками — магическим акцентом её родного языка. Её хвост беспомощно подрагивал, выбивая по ковру грустную, аритмичную дробь, словно отбивая такт её приближающейся гибели.

— Всё... финальный закат над Бездной... — шептала она, — Он меня сейчас аннигилирует... Или, что хуже, подвергнет изощренной порче... Заставит сартир по ночам убирать... Или, о Великий Ужас... обувь языком чистить!

Она всхлипнула так громко, что её собственный рожок дрогнул, и её голос, полный искреннего, почти профессионального ужаса перед этой конкретной перспективой, стал

громче:

— Я же не умею чистить обувь языком! У меня язык не шершавый! Он для проклятий и изысканных оскорблений, а не для грязи с подошв! Он же прилипнет, и потом меня будут дразнить "Тиль-липучка" все демоны Преисподней! Это позор хуже вечного рабства!

Вадим, всё так же стоявший в ступоре, вдруг нахмурился. До него донеслись обрывки... нет, не просто шипения. Слов. Сначала это было похоже на помехи в плохо настроенном радио, но потом его мозг, цепляясь за знакомое, ясно выловил из потока отчаяния: «...убьёт...» и «...чистить обувь языком...». Его разум, всё ещё пытавшийся списать всё на галлюцинации от некачественного коньяка, на мгновение зациклился на этой абсурдной, идиотской детали.

«Какой ещё язык? Какая обувь?»

— Эй, постой! — вдруг вырвалось у него, и его собственный голос прозвучал хрипло и непривычно громко, нарушая гнетущую тишину. — Какое ещё «убьёт»? Я никого убивать не собираюсь! Я за всю жизнь и мухи не обидел! Ну, если не считать того комара в прошлом июле...

Он даже сделал неосторожный шаг вперед, забыв о магическом круге, и возмущенно продолжил, размахивая рукой в направлении этого комка дрожащих пижамных зайцев и отполированных рожек:

— И зачем, скажи на милость, мне чистить обувь языком?! Это же антисанитария! У меня есть щётки! Нормаль-

ные, нейлоновые! В шкафу лежат! И паста специальная!

Тиль вздрогнула так сильно, что её хвост метнулся в сторону, как распушенная пружина. Она резко подняла голову, смахивая с ресниц непослушные, предательские слезинки. Её огромные золотые глаза, ещё полные слёз, усталились на него с внезапной, слабой, но настоящей, живой надеждой. Он не только понял её слова... он возмущался! Возмущался так, как возмущается смертный, когда ему предлагают нарушить бытовые нормы гигиены!

— Ты... — прошептала она, замирая и широко раскрывая глаза. — Ты меня... понимаешь? Ты говоришь на Языке Теней?

В комнате повисла тишина, но теперь уже другого качества — не враждебная и давящая, а ошеломлённая, нелепая и полная невероятных возможностей. Вадим смотрел на неё, на это инопланетное существо, которое только что боялось не смерти, а профессиональной непригодности в качестве швабры, и в его голове пронеслась единственная, исчерпывающая всё мысль:

«Ахренеть. Стихи Пушкина и варенье... Это реально сработало. Я вызвал демона, который боится бытовых хлопот».

Он медленно провел рукой по лицу, с силой потирая глаза, словно пытаясь стереть эту картинку, но когда он убрал руку, она всё ещё была там.

— Чёрт, — пробормотал он, глядя на демона-зайку, сидящего в кривом круге из соли «Экстра». — Мне в психушке

не поверят. Да я и сам себе не верю.

Облегчение, тёплой и нежной волной хлынувшее в Тиль после того, как он её понял, придало ей призрачной смелости. Она приподнялась на коленях, сложив руки в немой, отчаянной мольбе, словно средневековый проситель перед троном. Её голос зазвучал чуть громче, окрашенный дрожащей, наивной надеждой.

— Тогда... о, великий и... и, видимо, не самый кровожадный... тогда просто отпусти меня! Отправь домой, пожалуйста! — взмолилась она, и её золотые глаза стали такими круглыми и ясными, что в них, казалось, можно было увидеть отражение её родного лилового неба. — Я тебе ничего плохого не сделала! Честно-пречестно! Я просто... проспала свой будильник-амёбу! Совсем чуть-чуть!

Вадим замер. Он смотрел на это странное, но внезапно очень живое, эмоциональное и откровенно жалкое существо, умоляющее его о самом простом и логичном — о свободе. И почувствовал себя последним подлецом, укравшим у ребёнка мороженое. Он смущённо почесал затылок, его взгляд ускользнул в сторону, как у школьника, пойманного на списывании.

— Слушай, я бы с радостью, честное пионерское... — он начал неуверенно, разводя руками в том самом жесте, что означал «сам в шоке». — Но... Я не знаю, как. Серьёзно.

Он с тоской посмотрел на оплавленное, липкое пятно на паркете — эпитафию из варенья и сиропа, отмечая то место,

где его покинуло здравомыслие.

— Я нашёл это... э-э... руководство... на одном сомнительном форуме. «Веселый_Чародей» рекомендовал, — он икнул от нервного смешка. — Там был только ритуал призыва. Всё. Как в плохой инструкции к китайской техники: «Включите устройство», а как выключить — уже ваши проблемы. Ничего про возврат, про «обратную доставку», так сказать... Гарантия, видимо, не распространялась...

Он неуклюже попытался шутить, но шутка повисла в воздухе, тут же и умирая, не долетев до адресата.

Тиль застыла. Она смотрела на него, вглядываясь в его растерянное, виноватое лицо, и с леденящей душу ясностью понимала — он не лжёт. Он не коварный архимаг, не повелитель стихий, планирующий поработить её мир. Он... недо-тепа. Дилетант. Тот самый «чайник», который нашёл мощнейшее заклинание в интернете и тыкнул в него, не читая пользовательского соглашения и не заботясь о последствиях. И теперь они оба в ловушке, с той лишь разницей, что он — в своей гостиной, а она — в чужом мире, в пижаме и без малейшего шанса на возвращение.

Вся надежда разом покинула её, как воздух из проколото-го шарика. Плечи её опустились, будто на них свалилась невидимая гиря. Тень полного, безрадостного, окончательного отчаяния поползла по её лицу, затмевая золотой блеск в глазах и делая их тусклыми и безжизненными.

Вадим увидел, как задрожала её нижняя губа. Маленькая,

беззащитная дрожь, которую она пыталась сдержать, закусывая её так, что на нежной коже выступили крошечные следы от клыков. И в его окаменевшей от тоски и коньяка душе, впервые за долгие месяцы, шевельнулось что-то тёплое, живое и непривычное — острое, до тошноты, чувство вины и щемящая, всепоглощающая жалость к этому маленькому, потерянному инопланетному созданию.

Вадим наблюдал, как тень полного, беспросветного отчаяния медленно поглощает существо в круге, и его чувство вины стало таким же осязаемым, как липкая лужа варенья на паркете и запах палёной магии в воздухе. Он сгреб пальцами волосы, на голове лихорадочно перебирая обрывки мыслей.

Выпустить не может — инструкции нет. Оставить в виде пижамного пленника — монструозно даже по меркам этого безумного вечера. И тут, словно спасательный круг, в его уставшем мозгу всплыла строчка с того самого форума, от «Веселого_Чародея»:

«...найди того, кто исполнит любое твоё желание...»

Он кашлянул, привлекая внимание Тиль, и сделал осторожный шаг вперед, стараясь, чтобы его голос звучал увереннее, чем он себя чувствовал — примерно, как менеджер среднего звена на важных переговорах.

— Но, вообще-то... — начал он, разводя руками в жесте, призванном показать его мирные и, что важнее, логичные намерения. — Раз уж ты здесь, и раз уж я, получается, нечаянно нарушил твой график... Может, не всё так плохо? Мо-

жет, поможешь мне с одним дельцем?

Он увидел, как её уши — да, у неё были очень выразительные, слегка заостренные уши — насторожились, и поспешил продолжить, пока она снова не впала в истерику:

— У меня как раз есть одно... э-э... невыполненное желание. Дело принципа. Исполнишь — и мы квиты. Свободна, как ветер. Дёшево, сердито и по-честному. Как в аптеке.

В голове Тиль будто щёлкнул выключатель, и загорелась яркая, неоновая вывеска: «РЕШЕНИЕ!». Отчаяние развеялось как дым, уступая место стремительному, почти бульварному потоку профессиональных знаний.

«Контракт! — пронеслось у неё с такой силой, что её рожки вибрировали. — Да как же я сразу не сообразила! Магия контракта! Она может стать моим обратным билетом! Это же саморегулирующаяся система высшего порядка — исполнение условий автоматически разрывает привязку и выталкивает исполнителя обратно в точку исхода! Это же база!»

Она не просто встала — она подскочила на ноги, вся излучая внезапно нахлынувшую энергию, словно её только что подключили к розетке. Её хвост, ещё минуту назад бессильно волочившийся по полу, теперь задорно подрагивал и вычерчивал в воздухе восьмёрки, а кисточка на конце распушилась от возбуждения.

— Да! Тысячу раз да! — её голос звенел, золотые глаза сияли, как два мини-солнца. — Я, конечно, не джинн, чтобы исполнять три желания сразу, и не архидемон, чтобы пе-

рекраивать реальность, но я могу помочь! По-настоящему! Мы заключаем магический контракт! Ты формулируешь желание, я прилагаю все свои силы, таланты и познания в демонических искусствах для его исполнения, и как только цель будет достигнута — магия сама разорвёт связь и отшвырнёт меня прямым домой, в мою уютную постель! Это же гениально! Просто, элегантно и с соблюдением всех юридических норм!

Её энтузиазм был настолько искренним, заразительным и таким ярким контрастом на фоне его мрачной, полупьяной гостинной, что Вадим не смог сдержать улыбки. Уголки его губ поползли вверх сами собой, пока он наблюдал, как это странное, пугающее и до смешного уязвимое создание преобразилось из загнанного зверька в такого бодрого, полного энтузиазма консультанта по решению проблем.

Впервые за этот безумный вечер, нет, впервые за многие месяцы, ему показалось, что всё, возможно, не просто как-то обернётся, а обернётся даже чем-то отдалённо напоминающим... приключение.

Энтузиазм Тиль был настолько заразителен, что Вадим почувствовал прилив странной, почти мальчишеской авантюры. Уголки его губ дрогнули в намёке на улыбку.

— И что, — переспросил он, в его голосе прозвучал отголосок давно забытого любопытства, — любое желание?

В голове уже замаячили смутные, но эпичные образы: летающая машина, неиссякаемый счёт в банке, может, даже

остров...

Тиль, словно прочитав его мысли, тут же подняла указательный палец, принимая вид строгого консультанта.

— В разумных пределах! — оговорила она, и её хвост покачивался в такт словам. — Я не могу уничтожить мир, изменить законы времени или сделать тебя богом. Мои силы ограничены рамками демонской этики и здравого смысла.

Она на мгновение задумалась.

— В основном здравого смысла. Но что-то... существенное — да!

Вадим кивнул, её слова вернули его в реальность. Он обвёл взглядом свою просторную, но пустующую гостиную, его взгляд скользнул по дорогой, но безликой мебели. Все материальные блага у него были. Машины, дом, бизнес — всё это было просто фоном, декорациями к жизни, в которой не было главного.

Он вздохнул. Глубоко. И выдохнул то, что сидело в нём занозой все эти три года, то, о чём он боялся признаться даже самому себе. Его голос прозвучал тихо, но чётко, без тени иронии:

— Хочу быть счастливым.

Тиль замерла. Её уши, торчавшие из черных волос, едва заметно дрогнули, а хвост на мгновение застыл в воздухе. Это было не то, чего она ожидала. Не богатство, не власть, не слава. Нечто неосоздаваемое, расплывчатое и оттого невероятно сложное. Она видела в его глазах не жадность, а глубо-

кую, застарелую боль. Но именно это отсутствие эгоизма в его желании придало ей решимости.

Она не стала раздумывать. Не стала говорить о трудностях. Вместо этого она твёрдо кивнула, и её золотые глаза встретились с его взглядом.

— Договорились!

Она решительно шагнула вперёд, к самой границе соляного круга, и протянула к нему руку, разжав ладонь. Вадим, после секундного колебания, сделал то же самое. В тот миг, когда их ладони должны были соприкоснуться, между ними, в сантиметре от кожи, вспыхнула маленькая, тёплая золотистая искра. Она была живой и пульсирующей, и в воздухе поплыл сладковатый запах, напоминающий мёд и тёплый камень.

Сделка была заключена.

Тиль отдернула руку и посмотрела на Вадима с сияющим, полным энтузиазма лицом, её хвост весело подрагивал.

— Не волнуйся! — заверила она его, и в её голосе звенела непоколебимая уверенность. — Я обязательно сделаю тебя счастливым! У меня уже есть план!

Вадим смотрел на эту странную, полную решимости демонессу в пижаме с зайцами, и в его душе, затянутой льдом, впервые за долгие годы шевельнулся крошечный, тёплый лучик чего-то, очень отдалённо напоминающего надежду.

Глава 4

Воздух в гостиной, ещё мгновение назад звеневший от магического напряжения, медленно оседал, как пыль после взрыва. Пахло озоном, пригоревшей вишней и тотальным непониманием. Вадим, наконец переведя дух, провёл рукой по лицу, смахивая невидимый налипший шок. Его взгляд упал на кривобокий круг на полу — этот укор его здравому смыслу, начертанный дешёвой солью «Экстра».

— Ладно, — твёрдо произнёс Вадим, глядя на своё творение с видом человека, решившего убрать с позором последствия очень неудачной вечеринки. — Первым делом — ликвидирuem улики. Чувствую себя участником плохого арт-хаусного перформанса под названием «Идиот и его соль».

Он подошёл к границе круга и носком дорогого ботинка (итальянская кожа, ручная работа) решительно размазал белую линию. Кристаллы с тихим, почти извиняющимся шелестом рассыпались, навсегда смешиваясь с ворсом персидского ковра. Магический барьер, эта условная решётка, перестал существовать с таким же лёгким хрустом, с каким ломается утренний сухарик.

Тиль, всё ещё сидевшая на полу, затаила дыхание. Она смотрела, как исчезает соляная линия, и в её груди что-то ёкнуло — не страх, а щемящее, острое облегчение.

Это был не просто жест. Это был акт доброй воли. Он не

просто выпускал её — он разрушал тюрьму своими руками. Её хвост, до этого сжатый в тугую жгут, с облегчением распустился и мягко, с глухим стуком, плюхнулся на пол, как уставший удав.

Вадим посмотрел на неё, на это инопланетное существо в пижаме с зайцами, сидящее на его полу, и смирился. Его мозг капитулировал перед новой реальностью. Он коротко кивнул в сторону кухни.

— Ну что... — сказал он, и в его голосе прозвучала усталая, бытовая нормальность, которая в данном контексте была смешнее любого абсурда. — Чайку? Или вам, демоническим особам, полагается что-то покрепче? Свиная кровь, расплавленный свинец?.. Хотя нет, не надо. Просто чай. Мне кажется, нам стоит поговорить. Как цивилизованным... существам. Без всяких кругов, варенья и прочих шаманских плясок.

Напряжение в комнате дрогнуло и дало трещину, не выдержав атаки простого человеческого ритуала — чаепития. Тиль осторожно, словно боясь раздавить хрустальный пол, поднялась на ноги. Она сделала маленький, неуверенный шаг за пределы невидимой, но всё ещё осязаемой в памяти границы. Коврик под её босыми ногами оказался на удивление мягким и тёплым.

«Какое дивное изобретение, — мелькнула у неё мысль. — Надо будет бабушке такой привезти... если, конечно, я отсюда выберусь».

Чай... — медленно проговорила она, с интересом пробуя это слово. — Это который из тех зелёных листиков? Пламенный нектар я, конечно, уважаю больше, но он больше для торжественных случаев. А чай... да, мне однажды перепало. Было... уютно.

Она посмотрела на Вадима, и в её золотых, как у совёнка, глазах, на смену паническому страху, начала пробиваться робкая, но живая надежда. Возможно, не всё так ужасно. Возможно, этот странный смертный в мятом свитере, разрушивший свою же магическую ловушку, и впрямь просто хочет заварить чай и понять.

Что, чёрт побери, вообще происходит?

Вадим, встретив её взгляд, с внезапной ясностью подумал: «Вот сидит у меня на ковре демон из преисподней, боится, что его заставят чистить обувь языком, и хочет чаю. Ладно. С этого можно начинать».

Тиль робко поплелась за Вадимом в сторону кухни, но на полпути замерла, будто наткнулась на невидимую стену. Внезапное осознание обрушилось на неё с силой удара магического посоха. Она посмотрела вниз. И увидела их.

Вишенки.

Довольные, милые, сидящие на розовом полотне и подмигивающие, идеально передающему цвет тошноты болотного тролля. Её рожки, начищенные до зеркального блеска, бесильно наклонились от смущения, а хвост попытался спрятаться под подол, что было физически невозможно.

— Я бы с величайшей радостью... — она отчаянно дёрнула пижаму, пытаясь придать хоть тень демонического достоинства этому мешковатому позору, — но я не могу предстать перед могущественным заклинателем в этом! Это же пижама! Она для сна, утреннего хаоса и тайных походов за ночным зельем! У вас есть что-нибудь... из менее компрометирующего гардероба? Чуть более... формальное?

Вадим остановился и обернулся. Он окинул её медленным, оценивающим взглядом, словно перед ним была не демонесса, а сложная логистическая задача.

Его взгляд скользнул по хвосту («потребуется специальные прорези»), задумчиво замер на рожках («никаких капюшонов, только кардиганы»), а затем с глубочайшим сомнением уставился на пижаму, от которой рябило в глазах.

— Так... — протянул он, почесав висок с видом человека, который вот-вот скажет «а мы не думали об этом, когда покупали». — С женской одеждой тут, признаться, полный штиль. Моё царство — это свитера, джинсы и пять одинаковых чёрных футболок.

Его взгляд блуждал по прихожей, как сыщик, ищущий улику, пока не остановился на крючке, где висел его тёмно-синий, верный махровый халат — немой свидетель многих одиноких вечеров и сериальных марафонов.

— Но вот... Думаю, даже этот монстр выглядит солиднее, чем твои межгалактические зайчики-гонщики.

Он снял халат и протянул его Тиль. Та осторожно, буд-

то это была не ткань, а сбруя повелителя, взяла его, ощутив неожиданную тяжесть и грубоватую текстуру.

Через несколько минут трансформация была завершена. Халат на Тиль повис гигантским синим махровым шатром. Рукава свисали на полметра, превращая её изящные руки с аккуратными коготками в бесполезные махровые сосиски. Подол волочился за ней, как шлейф траурной процессии, подметая пол и собирая по пути остатки соляного круга — последние вещественные доказательства её позора.

Тиль, с выражением глубочайшей концентрации сапёра на лице, принялась закатывать рукава. Это был титанический труд, в результате которого её руки оказались закутаны в два толстых, негнущихся валика, напоминавших либо гипс, либо очень пушистые наручники.

Она подняла на Вадима взгляд, утонув в его халате, от которого пахло его мылом, его домом и чем-то неуловимо человеческим, чего она не могла определить.

— Спасибо, — тихо сказала она, и её хвост, нашедший выход через разрез сзади и торчащий теперь, как махровый жезл, робко вильнул, сметая с журнального столика пару бумаг. — Теперь я выгляжу... более соответствующе своему статусу пленницы?

Вадим, наблюдая за этим зрелищем — крошечная, рогатая фигурка, утонувшая в его одежде, с руками-сосисками и хвостом-метлой, — почувствовал, как последние льдинки шока в его груди окончательно растаяли, сменившись сме-

сю неловкости и умиления.

В этом огромном халате она казалась не посланницей преисподней, а заблудившимся ребёнком, которого укутали после зимней прогулки.

— Выглядишь... как минимум, очень тепло, — нашёлся он, с трудом сдерживая смех, который грозился вырваться наружу хриплым кудахтаньем. — И, чёрт возьми, определённо солиднее. Ну что, теперь-то чай?

Кухня, пропахшая кофе, вчерашней пищей и лёгким отчаянием, стала неожиданной ареной для самых сюрреалистичных переговоров в жизни Вадима.

Он сидел напротив Тиль, отхлёбывая из гранёного бокала остатки вчерашнего коньяка — единственное адекватное топливо для подобной беседы. Тиль же, закутанная в его махровый халат как в палатку, с видом первооткрывателя исследовала вкус горячего чая с лимоном. Её глаза округлились от удивления, когда она сделала первый глоток.

— О! — воскликнула она. — Он... шипучий? Нет? Но такой... яркий! И этот жёлтый плод — он атакует кислотой! — Она осторожно лизнула дольку лимона и скривилась, но потом задумчиво кивнула: — Интересно...

Между ними на столе лежала открытая пачка песочного печенья «Юбилейное» — самый нелепый и в то же время самый подлинный белый флаг перемирия между мирами.

Вадим отставил бокал и внимательно посмотрел на своё «нежданное приобретение». Её рожки аккуратно виднелись

из-под капюшона махрового монстра, а хвост удобно устроился на соседнем стуле, изредка подрагивая кисточкой, словно кошачий.

— Как тебя зовут? — Спросил вадим свою призванную гостью.

— Тиль. А как я могу обращаться к вам, всемогущий заклинитель?

— Вадим. — Представился мужчина, немного задумавшись о том, что он хотел сказать. — Слушай, Тиль...

Начал он, тщательно подбирая слова, как сапёр — провод.

— Я, честно говоря, даже в самых пьяных фантазиях не предполагал, что это сработает. Ни на йоту. — с горьковатой усмешкой махнул рукой в сторону гостиной. — Нашёл какой-то бред на форуме, между советами «как вырастить авокадо на подоконнике» и «куда сдать старый хлам». Решил, что хуже уже не будет. Ан нет — оказывается, ещё как может.

Он сделал паузу, его взгляд стал серьёзнее, потерял оттенок иронии.

— Но раз уж я тебя сюда, прости господи, призвал, по своей глупости и безалаберности... я не брошу тебя в этом... подвешенном состоянии. Одежду, еду, крышу над головой — всё необходимое предоставляю. Контракт контрактом, но базовые вещи — это моя ответственность. Я хоть и идиот, но не сволочь.

Тиль слушала, широко раскрыв золотые глаза. Она ожи-

дала требований, приказов, может, даже магических пыток. Но не... ответственности. И уж тем более не признаний в собственной глупости от того, кто должен был быть её грозным повелителем. Это было настолько ново и неожиданно, что её хвост замер в полной неподвижности.

Вадим вдруг фыркнул, его взгляд скользнул по её лицу, утонувшему в складках капюшона, по крошечным рукам, безнадёжно потерянным в рукавах.

— Знаешь, — покачал головой он, и в его глазах, помимо усталости, заплясали весёлые, почти озорные искорки, — я как-то иначе демонов представлял. По канонам, так сказать. Более... brutальными. Копыта, пламя изо рта, рога размером с баранку руля КамАЗа. А тут...

Он сдержанно жестом указал на неё, с головой до ног укутанную в синий махровый кокон.

— Пижама с психоделическими зайцами, проблемы с гардеробом и интерес к лимонам. Прямо скажем, brutальность хромает.

Тиль надула щёки, но не от злости, а от возмущения, вызванного задетым профессиональным демоническим самолюбием.

— А нас с пелёнок пугают, что вы — злые, коварные маги-садисты, которые только и ждут, чтобы поймать бедного демона и заставить его вечность перебирать рисовые зёрна от грешников! — выпалила она, размахивая рукой в махровом валике и чуть не опрокинув чашку. — Или считать пес-

чинки в пустыне! Или... или чистить обувь языком!

Она поморщилась, вспомнив свой собственный ночной кошмар, и её хвост с силой шлёпнул по стулу.

В воздухе повисла пауза, густая, как махровый халат. А затем Вадим тихо, но очень искренне рассмеялся. Это был короткий, хрипловатый звук, давно забытый в этих стенах, и он прозвучал как хлопок пробки от шампанского после долгого затишья.

— Чистить обувь языком? — переспросил он, всё ещё смеясь и проводя рукой по глазам. — Нет, это уже перебор. Это даже мне, в моём состоянии, не пришло бы в голову. У меня для этого есть целых три щётки разной жёсткости, специальная паста и, на крайний случай, робот-пылесос, который сам боится тёмных углов.

Тиль сначала смотрела на него с недоумением, но потом, глядя на его смеющееся лицо, и её собственные губы дрогнули. Сначала неуверенно, а потом всё шире, обнажая аккуратные клыки.

Они смотрели друг на друга — уставший, небритый человек в мятом свитере и демон в нелепом халате — и оба видели одно и то же: их представления друг о друге были смешными, надуманными страшилками, разбивающимися о реальность за чашкой чая с «Юбилейным» печеньем. Стена стереотипов дала первую, но такую важную трещину, и сквозь неё пробился смех.

Лёгкая атмосфера, возникшая за чаем, на мгновение по-

шатнулась. Вадим отставил бокал, и его лицо стало серьёзным. Мысль, которая до этого казалась абстрактной фантазией, вдруг обрела плоть, кровь, и самое главное — пару очень выразительных, поникших от тоски рожек.

— Слушай, Тиль... — начал он, глядя на неё с внезапно нахлынувшей тревогой, более острой, чем запах гари от варенья. — А там... у вас. Тебя будут искать? Как бы это... Родные, семья?

Тиль опустила глаза, её пальцы так крепко обхватили тёплую чашку, что костяшки побелели.

— Конечно будут! — выдохнула она, и в её голосе зазвучала тоска, настолько острая и детская, что ей мог бы позавидовать любой потерявшийся ребёнок. — Мама с папой... Они уже, наверное, заметили, что я не вернулась от мастера-защитника. Мама, наверное, звонит на мой кристалл связи каждые пять минут, а папа... папа уже наверняка рыщет по Нижним Мирам с факелом и своим старым боевым трезубцем, обещая «разобраться с этим шарлатаном».

Она представила эту картину, и её хвост бессильно обвился вокруг ножки стула, словно ища опоры.

— Они будут сходиться с ума. А моя бабушка... о, она начнёт готовить успокоительное зелье на десять литров. Оно всегда пахнет носками и отчаянием.

Вадим почувствовал, как тяжёлый, горячий камень вины прожег ему душу насквозь. Он не просто призвал демона в порыве депрессивного абсурда. Он, по сути, украл чью-то

дочь. Абсурдно милую, немного неуклюжую, с рожками, но дочь.

В попытке сменить тему и хоть как-то разрядить гнетущую обстановку, Тиль перевела взгляд на его бокал с остатками коньяка. Её золотые глаза, ещё секунду назад тусклые от грусти, заинтересованно блеснули, как у кошки, увидевшей лазерную указку.

— А это что? — спросила она, указывая на бокал подборо́дком. — Пахнет... сложно. Деревом, которому очень стыдно, и чем-то сладковатым, но обманчивым. Можно попробовать?

Вадим, пойманный врасплох, с лёгкой, непроизвольной улыбкой поднял бровь. Старый, почти автоматический, абсолютно человеческий вопрос сорвался с его губ:

— А тебе есть восемнадцать?

Тиль тут же выпрямилась на стуле, насколько это позволял громадный халат, превратившийся в подобие парадного одеяния. Её рожки горделиво подрагивали, а подбородок вздёрнулся с таким достоинством, будто ей предложили престол.

— Мне, вообще-то, двадцать два! — заявила она с подчеркнутой важностью, слегка ударив себя в грудь махровым валиком, в который была превращена её рука. — По нашим меркам, я уже совершеннолетняя демонесса! Очень даже. Я имею право посещать смотры пламени, голосовать на выборах Повелителя Бездны и... и пробовать колючие напитки!

— Двадцать два, — усмехнулся Вадим, качая головой с видом человека, который только что узнал, что его новая кошка — доктор наук. — Ну, раз уж так... Смотри, это крепко.

Он налил на самое донышко бокала совсем немного, на глаз — столько, чтобы комар опьянел, но не утонул, и протянул ей.

Тиль с видом настоящего алхимика, принимающего эликсир вечной жизни, приняла бокал, стараясь удержать его обеими «культяпками». Она торжественно поднесла его к носу, втянула воздух — и чихнула так сильно, что её рожки задребезжали, а капюшон съехал набок.

— Апчхи! Оно... щекочет!

Собравшись с духом, она сделала самый маленький, чисто символический глоток. Её лицо тут же скривилось в самой гротескной и забавной гримасе, которую Вадим видел за всю свою жизнь.

Она морщила нос, хмурила брови, её глаза стали похожи на два недоумевающих золотых блюдца, а уши оттопырились. Она смотрела на бокал с немым, почти предательским укором.

— Фу-у-у! — наконец выдохнула она, высовывая язык и тряся головой, будто пытаясь сбросить с него вкус. — Оно... колючее! И горькое, как правда от бабушки!

Но затем её взгляд смягчился, в глазах появилась задумчивость. Она прикрыла их на секунду, прислушиваясь к

ощущениям.

— Но... потом... внутри становится тепло. И как-то... тихо. Странно. Это снаружи оно такое грозное, а внутри — спокойное.

Вадим смотрел на неё, на эту юную демонессу, дегустирующую коньяк в его кухне, и в его душе, загруженной проблемами и тоской, что-то щёлкнуло. Возможно, это был звук тающей ледяной глыбы. А возможно — просто тихий смех над абсурдом и чудом этой ночи. Он улыбнулся, на этот раз широко и по-настоящему.

— Да, — согласился он. — Оно именно такое. Колючее снаружи и тёплое внутри. Почти как некоторые демоны-подростки.

После чаепития, которое окончательно растопило лёд и превратило его в лужу на полу рядом с остатками варенья, Вадим почувствовал себя обязанным провести краткий инструктаж по выживанию в мире смертных.

Он поднялся со стула, и Тиль, подобрав полы своего махрового «парадного одеяния», послушно поплелась за ним, как утёнок за матерью-уткой, если бы утка носила халат и имела рожки.

Он подвел её к двери рядом с гостиной и распахнул её, демонстрируя уютную, слегка безличную гостевую спальню с идеально застеленной кроватью.

— Вот, — сказал он, жестом, достойным риелтора, демонстрирующего скромную студию. — Твоя комната. Пока ты

здесь, считай её своей крепостью. Можешь расставить здесь свои... шепчущие кристаллы или, я не знаю, коллекцию засушенных грешников, если это в ваших традициях.

Тиль заглянула внутрь с широко раскрытыми глазами, оценивая пространство. Но настоящий аттракцион невиданной магии ждал её в ванной.

Вадим, решив быть максимально гостеприимным гидом по миру бытовых чудес, толкнул дверь и одним театральным движением повернул ручку душа.

С шипением, плюнув в него несколькими каплями холодной воды, а затем с торжествующим гулом, из лейки хлынула ровная, мощная струя горячей воды. Пар медленно пополз вверх.

Тиль отпрыгнула назад так резко, что её хвост, не успевший за общим отступлением, болезненно дёрнулся. Она прижалась к косяку двери, уставившись на водопад с благоговейным ужасом, как язычник на явление божества.

— А-а-а! — выдохнула она, не в силах найти слов. — Что это за могущество?! Без предварительного заклинания на нагрев воды?! Без рунического массива для контроля давления и расхода?!

Она посмотрела на Вадима, как на верховного архимага, в одиночку управляющего стихией.

— Это же чистейшая, бесплатная магия! Оно само?! Всегда?!

Вадим, сжав губы в тугую ниточку, чтобы не разразиться

смехом, лишь покачал головой, пытаясь сохранить невозможность профессора.

— Нет, это не магия. Это сантехника. И бойлер в подсобке. Он греет воду, пока мы тут чай гоняем.

Но кульминацией цирка сантехнических чудес стал туалет. Вадим, уже почти теряя самообладание и чувствуя, как смех подкатывает к горлу, с торжественным видом мага, совершающего финальный фокус, нажал на кнопку смыва.

Вода с оглушительным, яростным рёвом, достойным повелителя бездны, устремилась вниз, закручиваясь в гипнотизирующую водоворотную воронку.

Тиль отшатнулась, инстинктивно схватившись за грудь, как будто её собственное сердце пыталось смыться вместе с водой. Её хвост вздыбился, как у испуганной кошки, а золотые глаза стали размером с чайные блюдца, в которых плескался священный трепет.

— О, Великий Хаос... — прошептала она, заворожённо глядя на исчезающую воду. — У нас... у нас встроенное закливание всё сразу очищает, стерилизует и утилизирует отходы в эфир! А здесь... оно просто... с оглушительным рёвом утекает!

Она обернулась к Вадиму, и в её взгляде читался немой вопрос, полный ужаса и любопытства.

— Куда? В какие подземные бездны? В реки? К китам?! Это же экологическая катастрофа!

Вадим больше не мог сдерживаться. Он прислонился к ко-

сяку и расхохотался — тихо, но от всей души, тем самым смехом до слёз, которые смывают стресс лучше любого антидепрессанта. Он смотрел на это мистическое существо из другого измерения, которое пугалось душа, благоговело перед унитазом и беспокоилось о китах, и чувствовал, как последние ошмётки его собственной тоски и апатии таят, словно лёд под горячей струёй её детского, наивного изумления. В этом хаосе, в этом абсурде было что-то невероятно очищающее и по-настоящему живое.

— Ладно, Тиль, давай продолжим удивляться завтра. Основное я тебе показал. Теперь пора и отдыхать. Ночь на дворе.

Дверь в гостевую комнату тихо закрылась, и Тиль осталась одна в тишине, которая была совсем не тихой. Она слышала, как за дверью шаги Вадима удалились, и щелчок замка в его спальне прозвучал как финальный аккорд этого безумного дня.

Теперь её окружала абсолютно новая звуковая картина. Не гул подземных токов, не ядовитый шепот кристаллов-сплетниц и не отдалённые душераздирающие крики существ из Бездны. А странные, почти интимные шумы: мерное тиканье часов за стеной, словно кто-то отмерял секунды её заточения; гул какого-то невидимого ледяного духа (холодильник, как позже объяснил Вадим, «шкаф, который хранит еду и ворчит») и приглушённый, непрекращающийся рокот, похожий на дыхание спящего гиганта (городской

трафик, который она пока что определяла как «звук тысяч железных повозок без лошадей»).

Тиль подошла к большому окну и, затаив дыхание, раздвинула плотные занавески. И ахнула. Её золотые глаза расширились до предела. Вместо привычного вечного лилового сумрака её мира или багрового зарева огненных рек Преисподней, перед ней простирался океан крошечных, холодных, мерцающих огоньков. Белые, жёлтые, красные.

Они горели ровно и настойчиво, выстраиваясь в причудливые, геометрически правильные узоры.

«Это что... магия света, застывшая в камне? — подумала она. — Или это души умерших смертных, которых заставили работать фонарями?»

Это зрелище было одновременно пугающе чуждым и гипнотически прекрасным.

— Мама, папа... — прошептала она, прижимаясь лбом к прохладному стеклу и оставляя на нём маленькое запотевшее пятно. — Я здесь. В каком-то... очень ярком и шумном измерении. Со мной всё в порядке.

Она мысленно представила их испуганные лица — маму, ломающую свои изящные коготки, и папу, уже точащего свой боевой трезубец о дверной косяк.

«Я попала к... очень странному магу. Но он не злой. Со всем. У него смешные тапочки с мордочками медведей. И он дал мне свой халат, в котором я утонула, как муха в варенье. И он смеётся... очень заразительно».

Она глубоко вздохнула, пытаясь отпустить часть тревоги вместе с выдохом, но та упрямо цеплялась за её рожки. Потом она решительно повернулась от окна и подошла к кровати.

Она с любопытством тыкнула пальцем в матрас.

«Он подпрыгнул!»

С внутренним восторгом отметила она и принялась методично протыкать его в разных местах, изучая его пружинящие свойства. Удовлетворившись исследованиями, она устроилась и укрылась одеялом. Её хвост, будто живой отдельный питомец, уютно устроился рядом с ней на подушке, свернувшись калачиком и накрыв кисточкой её ухо.

«Я дала слово, — твёрдо заявила она сама себе в наступающую темноту, сжимая кулак под одеялом. — Демон (совершеннолетний!) своего слова не нарушает. Я найду способ. Я сделаю этого странного человека в медвежьих тапочках счастливым, что бы это ни значило!»

Она кивнула, подкрепляя свою решимость, и её рожки с силой ткнулись в подушку.

«Если для этого придётся приручить его робота-пылесоса или научиться готовить это "печенье Юбилейное"... я сделаю это!»

С этой последней, полной энтузиазма мыслью о том, что завтра начнётся её великая и благородная миссия, Тиль закрыла глаза.

На её лице, озарённом призрачным светом чужого, но та-

кого живого города, застыла лёгкая, оптимистичная улыбка. Несмотря на страх, неизвестность и тоску по дому, в её сердце теплилась искра авантюры и непоколебимой, почти детской веры в то, что всё обязательно получится. В конце концов, какая демонесса её возраста откажется от настоящего приключения?

Визуализация. Уютный халат

Вадим, наблюдая за этим зрелищем — крошечная, рогатая фигурка, утонувшая в его одежде, с руками-сосисками и хвостом-метлой, — почувствовал, как последние льдинки шока в его груди окончательно растаяли, сменившись смесью неловкости и умиления.

В этом огромном халате она казалась не посланницей преисподней, а заблудившимся ребёнком, которого укутали после зимней прогулки.

— Выглядишь... как минимум, очень тепло, — нашёлся он, с трудом сдерживая смех, который грозился вырваться наружу хриплым кудахтаньем. — И, чёрт возьми, определённо солиднее. Ну что, теперь-то чай?

Глава 5

Лучи утреннего солнца, наглые и не знающие пощады, ворвались в комнату, безжалостно атакуя веки Тиль. В этот момент дверь со скрипом приоткрылась, впустив с собой фигуру, которая казалась порождением другого, строгого и упорядоченного мира.

На пороге стоял Вадим, облачённый в безупречный тёмно-серый костюм, который сидел на нём так, будто он был отлит по фигуре. От него пахло дорогим парфюмом, свежестью и тоской офисных будней. В руке он сжимал кожаную папку, выглядевшую как щит в битве с корпоративными драконами.

— Тиль, подъём, — произнёс он голосом, в котором боролись усталость и привычная собранность. — Я погружаюсь в пучину под названием «работа». Вернусь, когда одолею её, или она одолеет меня.

Из-под груды одеял, похожей на гнездо гигантской и очень ленивой птицы, медленно появилась растрёпанная макушка. В этом виде казалось, что два рожка торчали в разные стороны (хотя как? Это же невозможно!), причём левый был приплюснут, как будто на нём всю ночь кто-то спал (или Вадим вчера перепил, и теперь приплюснутый рожек ему чудится). Тиль выглянула одним-единственным, залитым сном золотым глазом, в котором читалось чистейшее, животное непо-

нимание.

— В холодильнике — биологическое топливо, — продолжил Вадим, делая энергичный жест в сторону кухни, словно отдавая приказ войскам. — Колбаса, сыр, йогурты... Всё, что не шевелится и не пытается тебя укусить, можешь употреблять.

Он сделал паузу, и его собранный образ дал трещину, сквозь которую проглянула отцовская тревога. Он подошёл к стене и с почти религиозным благоговением ткнул пальцем в белую пластиковую розетку.

— Но, ради всех твоих демонических богов, будь осторожна со всеми этими... штуками. — Он обвёл рукой комнату, как сапёр, указывающий на минное поле. — Вот это — телевизор, ящик с картинками. Вот это — лампы, источники искусственного солнца. А вот это... — его голос стал особенно торжественным, — провода и розетки. Аорта и вены этого мира. Не трогай их, не лижи и, самое главное, не суй туда ничего, даже из самых благих магических побуждений. Я не хочу вечером обнаружить тут угольный рисунок на стене в виде твоей тени или, что хуже, демона, который научился пользоваться микроволновкой и теперь хочет поработить человечество, начиная с моей кухни.

Тиль, наконец, с трудом оторвала голову от подушки и села на кровати. Её чёрные волосы встали дыбом в виде впечатляющего икебана, а хвост, совершенно независимо от хозяйки, торчал в сторону, как антенна, поймавшая сигнал

из параллельной вселенной. Она сонно, но с непоколебимой уверенностью дипломированного специалиста, махнула в его сторону рукой, всё ещё закутанной в махровую сосиску.

— Не терзай свою смертную душу пустыми тревогами! — буркнула она, голос был хриплым, словно она глотала наждачную бумагу. — Я же не младенец в пелёнках из адского пламени! Я всё постигла! Ничего не трону. Буду сидеть смирно, как изваяние, и...

Она зевнула так, что были видны все её аккуратные клыки, но тут же попыталась придать своему лицу выражение глубокой, стратегической мысли.

— ...и усердно размышлять над нашим Великим Контрактом! Счастье не ждёт! Я уже чувствую, как идеи зреют!

Вадим посмотрел на это зрелище — на сонное, безобидное существо в нелепом халате, с нормальным, все таки, рогом (в этом он убедился, когда свет стал падать по другому), и взъерошенными волосами, которое с пафосом клянётся осчастливить его, — и почувствовал, как тревога в его душе вступает в странную, но забавную схватку с зарождающимся любопытством. Он покачал головой, сдерживая улыбку, которая угрожала разрушить весь его деловой образ.

— План, достойный великого полководца, — сухо заметил он, поправляя галстук. — Главное — чтобы среди этих зреющих идей не было инструкции по призыву армии гремлинов через мой телевизор. Без пожаров, без потопов и без завоевания мира до моего возвращения. Договорились?

Не зная, какая именно реакция требуется от пленницы, устроившей тотальный хаос, Тиль решила перестраховаться и совместить все возможные варианты. Она попыталась одновременно кивнуть, поклониться и сделать реверанс, как учила её великая тётушка-демонесса на приёме у Повелителя Бездны.

Результат был предсказуемо катастрофическим.

Её нога запуталась в подоле махрового великана, хвост рефлекторно обмотался вокруг второй ноги, а неосторожное движение зацепило край одеяла, которое она в панике накинула на плечи, как мантию кающейся грешницы.

Получился идеальный шторм из ткани и неуклюжести. С тихим, жалобным «бух!» она плашмя плюхнулась лицом в перину, из-под которой только что вылетело облако перьев от разорванной подушки.

Над поверхностью кровати остались торчать лишь её задранная юбка халата, беспомощно дёргающаяся кисточка хвоста и один растопыренный махровый рукав, словно сдающийся в бою.

Вадим, наблюдавший за этой немой сценой, ощутил, как внутри у него происходит короткое замыкание. Тревога, шок и остатки беспокойства сгорели в мгновение ока, проиграв сокрушительную битву вспыхнувшему умилению.

Он прикусил губу, чтобы не рассмеяться вслух, но глаза его предательски сощурились от неподдельной нежности.

«Вот ведь тварь преисподней, — пронеслось у него в го-

лове с теплотой. — Весь мир к ногам может положить, насколько мне известна сила демонов велика, а из собственного халата выбраться не в состоянии».

Тиль, отчаянно фыркая и выплёвывая перья, стремительно вынырнула из перины, словно демон-ныряльщик. Её волосы стояли дыбом, к одному рожку прилип пух, а на щеке отпечатался узор от шва подушки. Она, не глядя на Вадима, яростно кивнула несколько раз подряд, словно заводная кукла, давая понять, что с ней всё в порядке, ситуация под контролем и она полностью отдаёт себе отчёт в происшедшем. Что, разумеется, было наглой ложью.

Вадим, всё ещё сражаясь с улыбкой, просто покачал головой и, подняв с пола портфель, развернулся и вышел. Дверь за ним закрылась с тихим щелчком.

Но по дороге на работу его мысли были уже не о пострадавшей квартире. В голове вертелся образ маленькой, перепачканной фигурки с перьями на рогах. И его душа, к собственному удивлению, сжималась от странной, почти отцовской тревоги.

«Она же ничего не знает. Не знает, что микроволновка — не алтарь для жертвоприношений, а стиральная машина — не портал в иное измерение. Чёрт, а вдруг она полезет в розетку? Или решит, что уют — это устройство для глажки котов?»

Впервые за долгие годы он ехал на работу, думая не о сметах и дедлайнах, а о том, как бы его демоническая гостья по

незнанию не навредила в первую очередь самой себе.

Оставшись в полном одиночестве, Тиль почувствовала себя одновременно и первооткрывателем, и заключённой в золотой клетке. Её первый набег был совершён на кухню. Она благоговейно открыла холодильник, и на неё пахнуло странным холодом — не магическим морозом заклинания, а глупым, техногенным холодом. Удивившись этому, а заодно отметив смекалку людей, она достала маленькую баночку йогурта с рисунком клубники.

Первое, что её шокировало — она была ледяной! В её мире еду либо подогревали до температуры свежей лавы, либо она была тёплой, как только что добытая кровь вулкана. Она осторожно лизнула белую массу с ложки. Вкус был молочным, сладким и начисто лишённым привычного, уютного серного привкуса и намёка на пепел.

— Странно... — проговорила она вслух, пробуя ещё и задумчиво жуя. — Совершенно нет ощущения, что это сделано из молока демонической козы, которую трижды прокляли... Но... чертовски вкусно!

Позавтракав, она начала Великое Исследование Территории. Она ходила по квартире на цыпочках, как по храму чужого божества, осторожно прикасаясь ко всему.

Она провела пальцами по корешкам книг в шкафу, ощущая шершавую кожу и бумагу.

«Никакой защиты, никаких кричащих рун... как они хранят знания?»

Она потрогала холодный, мёртвый экран телевизора.

«И это ящик с движущимися картинками? Без единого кристалла души?»

Она подошла к окну и прилипла к стеклу, наблюдая, как внизу ползают, сверкая, металлические жуки-машины. Её демонский ум, настроенный на анализ магических потоков, теперь с жадным любопытством изучал эту причудливую, технологичную цивилизацию.

«У них тут всё так... механически устроено... — размышляла она, глядя на свои руки. — Без намёка на магию. Каждую мелочь нужно делать руками, шестерёнками или с помощью этих гудящих ящиков».

Она вспомнила, как Вадим, краснея, объяснял ей принцип работы стиральной машины, который показался ей сложнейшим ритуалом очищения.

«Зато... честно, что ли? Всё настоящее. Никаких иллюзий, никаких обманов восприятия. Если эта штукавина, "микро-волновка", говорит, что она греет, она действительно греет, а не создаёт в твоём мозгу ощущение тепла».

Но чем больше она вглядывалась в этот чужой, отчаянно материальный мир, тем острее становилась тоска, тупой ноющей болью поселившаяся под рёбрами. Она плюхнулась на диван в гостиной, и её хвост, словно чувствуя её настроение, грустно обвился вокруг её ноги, а кисточка бессильно шлёпнулась о пол.

Она закрыла глаза и представила дом. Запах серы и заса-

харенных лилий. Шёпот кристаллов на полке, пересказывающих последние сплетни из Бездны. Мама, которая сейчас наверняка ходит по комнатам, ломая свои изящные коготки, а папа мрачно бубнит что-то о «ветре в рогатой башке» и «ненадёжных заклинателях, которые даже не умеют держать демона в надлежащей клетке».

— Мама, папа... — прошептала она, глядя в безупречно ровный, скучный потолок. — Вы точно сходите с ума. Я знаю. Я должна скорее выполнить контракт и вернуться. Но как? КАК?

И тут, как будто в ответ на её отчаяние, в памяти чётко и ясно, с мощью раската грома над Пропастью, прозвучал голос её отца. Он произносил свою любимую, устоявшуюся, незыблемую мудрость, обычно изрекаемую за кружкой пламенного эля:

«Запомни раз и навсегда, дочка! Сытый демон — добрый демон! А сытый мужик — тем более! Счастливый! Всё остальное — шелуха, блёстки на крыльях падшего ангела! Желудок — вот трон, на котором восседает радость!»

Лицо Тиль озарилось, будто внутри неё включили сотню маленьких лампочек. Она подпрыгнула с дивана так резко, что её хвост взметнулся в воздух, сметая со столика журнал, а глаза загорелись решимостью, достойной полководца, ведущего армию в решающую битву.

— ЕДА! — воскликнула она, сжимая кулачки и подпрыгивая на месте. — Конечно! Эврика! Я приготовлю ему та-

кой ужин, такой пир, что от одного запаха его лицо расплывётся в блаженной улыбке, а сердце наполнится такой радостью, что контракт сочтётся выполненным автоматически!

Она уже живо представила эту картину: Вадим, попробовав её творение, заливается счастливым смехом, в воздухе раздаётся щелчок разрывающейся магической связи, и она, помахав ему рукой на прощание, торжественно возвращается домой, покрытая кулинарной славой. План был гениален в своей простоте и опирался на незыблемый авторитет отца.

Что могло пойти не так в мире, где плита включается поворотом ручки, а не заклинанием, и где у продуктов вдруг оказываются собственные, непредсказуемые свойства?

План созрел в её голове с силой извергающегося вулкана, обещая лаву успеха и пепел былых неудач. С торжеством, достойным открытия нового закона магии, Тиль нашла на полке увесистый том под вызывающим названием: «Кулинарная книга для настоящих мужчин!».

Листая страницы, испещрённые странными мерными знаками («граммы», «миллилитры» — явно какие-то магические руны), она остановила взор на сияющей фотографии мясного пирога. От него, казалось, исходил не просто запах, а сама аура благополучия, мужественности и безмятежного счастья.

— Идеально! — воскликнула она, и её хвост, словно независимый дирижёр, забил победную дробь по ножке стула. — Это то, что нужно!

Первый жестокий удар реальности пришёлся со стороны холодильника. Заглянув в его недра, она обнаружила тотальное, унижительное отсутствие мяса. Были какие-то бледные сосиски, кусок сыра с дырочками и ряды йогуртов — жалкие, немужские субстанции. Нужен был настоящий, кровавый, сочный стейк! Гигантский кусок плоти, кричащий о сытости и радости!

Но Тиль не была бы дочерью рода, чья родословная восходила к личным искусителям древних императоров, если бы сдалась. Она упёрла руки в бока, глядя на холодильник с вызовом, как на трусливого противника.

— И это всё? — провозгласила она, и её голос эхом разнёсся по пустой кухне. — Жалкая коллекция молочных продуктов? Я — демон! В моих жилах течёт кровь, способная вскипятить озеро! Если в этом холодном шкафу нет мяса, я его СОТВОРЮ!

Её взгляд, полный решимости, упал на тостер. Блестящий, с двумя вертикальными прорезями-ртами и бровями-ручками настройки, он казался ей самым магическим и могущественным артефактом во всём этом царстве бытовой техники. Он же превращал бледный, безвкусный хлеб в тёплые, хрустящие, ароматные ломти! Он творил пищу! Логика была железной: раз может с хлебом — сможет и с мясом!

С видом верховной жрицы, приступающей к главному ритуалу года, она водрузила тостер на кухонный стол, с трепетом воткнула вилку в загадочную «аорту мира» (розетку) и

торжественно ткнула пальцем в его блестящий бок.

— Акция карно! — прошептала она, вкладывая в слова всю свою волю. — Призыв мяса! Лучший кусок! Для счастливейшего из смертных!

Тостер молчал. В его прорезях зияла пустота.

— Ладно, возможно, я пренебрегла жестами...

Тиль нахмурила свои изящные бровки, махнула рукой, и произнесла заклинание на древнем демоническом языке.

В ответ раздался оглушительный, издевательский ДЗЫНЬ! Из слота тостера, словно высунутый в насмешке язык, выскочил не поджаристый стейк, а идеально ровный, гладкий, коричневый пластиковый прямоугольник. Он с глухим, бесславным стуком приземлился на стол. Тиль, заинтригованная, склонилась над ним. Пахло он не кровью и огнём, а химическим заводом и одиночеством. Она постучала по нему коготком — он издал полый, безнадёжный звук.

— Что... что это за существо? — прошептала она, охваченная дурным предчувствием.

ДЗЫНЬ! — выпрыгнул второй такой же двойник.

ДЗЫНЬ! — третий.

— Нет-нет-нет, прекрати! — залепетала Тиль, тыкая в ручку настройки. — Я же просила мясо! МЯ-Я-Я-СО! А не эти... эти бездушные саркофаги для бутерброда!

Но аппарат, словно одержимый демоном конвейера, продолжал своё безумие.

ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ!

Пластиковые «стейки» летели на стол, как град в апокалипсисе, скатывались на пол, застревали в складках её халата. Один особенно наглый экземпляр шлёпнулся прямо в её стакан с незаконченным соком.

В панике Тиль начала лихорадочно колотить по всем кнопкам, дёргать за ручки, но тостер лишь плодил пластиковых двойников с удвоенной скоростью.

«Он не подчиняется! Он вне моего контроля!»

В финальном приступе отчаяния она с силой дёрнула за шнур, вырвав его из розетки с искрами и легким дымком. Тостер издал последнее, жалобное шипение, словно погибающий в бою робот, и замолк.

В наступившей звенящей тишине Тиль стояла, тяжело дыша, и с ужасом взирала на плоды своего колдовства. Гора идеальных, одинаковых, абсолютно несъедобных пластиковых прямоугольников лежала перед ней, как немой укор её демоническим способностям. Её гениальный план по сотворению счастья через кулинарию потерпел оглушительный, звенящий и очень пластиковый крах. Оставалось лишь одно утешение: Вадим предупреждал. Но кто же слушает смертных, когда тобой движет великая цель?

Первая волна паники отступила, как трусливый грешник от ворот Преисподней, уступая место упрямой, иррациональной решимости спасти ситуацию. Тиль смотрела на гору пластикового «мяса» с выражением, в котором смешались отчаяние и боевой задор. Нельзя же просто так оста-

вить это... это монументальное свидетельство её кулинарного провала!

— Надо это как-то... облагородить, — пробормотала она, сгребая охалку прямоугольников и с грохотом расчищая место на столе. — Может, если это красиво разложить, оно волшебным образом станет съедобным? Эстетика ведь важна!

Словно куратор проклятого музея, она принялась за работу. Пластиковые плитки полетели на обеденные тарелки, легли веером в салатницы, живописно устроились в вазе для фруктов (где их коричневая гладкость сюрреалистично контрастировала с пушистой кожурой персика). Она нашла глубокую тарелку, явно предназначенную для какого-то ритуала (на самом деле — для салата), и водрузила туда целую стопку. Вскоре вся кухонная поверхность, включая подоконник и часть пола, напоминала сюрреалистичную выставку современного искусства под названием «Ода несъедобному» или «Бесконечность в тостере». Каждый свободный сантиметр блистал ровными, бездушными плитками.

Взяв один «кусочек», она поднесла его к носу, как сомелье, дегустирующее редкое вино, и осторожно понюхала, тут же сморщившись.

— Странная у людей еда... — с научным видом констатировала она, водружая его обратно, на этот раз на блюде. — Такая... синтетическая. И совсем не пахнет. Ни серой, ни страданием, ни намёком на тление... Ничем. Возможно, в этом и есть их изысканность? Безвкусица как высшая форма

вкуса?

Но сидеть сложа руки, созерцая плоды своего фиаско, было не в правилах потомственной демонессы. Если с кулинарной магией вышел облом, значит, нужно атаковать с другого фланга! Её хвост, который только что беспомощно волочился по полу, словно плеть, вдруг ожил, взметнулся и начал нервно выбивать дробь по кафелю, отбивая такт её лихорадочным мыслям.

— Так! — воскликнула она, смахивая со стола в мусорное ведро три неудачно упавших плитки, которые с грохотом покатались по полу. — С едой разберёмся стратегическим отступлением! Но счастье — оно же многогранно! Значит, надо создать атмосферу! Идеальную, безупречную среду обитания! Ведь чистота и уют — это фундамент, на котором строится радость! Я это точно читала в одном древнем свитке! Или слышала в рекламе по магическому кристаллу... Неважно!

Вместо того чтобы впасть в уныние, её демонская натура, питающаяся хаосом и амбициями, восстала из пепла неудачи с новой, утроенной энергией. Её золотые глаза загорелись азартом охотника, выследившего новую дичь.

Если не вышло покорить его желудок пирогом, значит, его покорит его же собственная сияющая от чистоты квартира! И на этот раз она будет действовать не вслепую, а с истинно демонским размахом и педантичностью. Что может пойти не так, когда за тотальную уборку берётся существо, чья основ-

ная компетенция — создавать управляемый хаос?

Она потянулась за первой попавшейся под руку тряпкой с видом полководца, берущего в руки знамя перед решающей битвой. План был прост и гениален: к возвращению Вадима квартира должна была сиять так, чтобы её блики ослепляли, а порядок в ней был бы столь идеален, что мог бы посрамить саму смерть. Оставался лишь один маленький вопрос: что именно это существо из преисподней считало «чистотой» и «порядком»?

Решимость, подобная перегретому пару в котле адского паровоза, переполняла Тиль. Она отступила в центр гостиной, с грохотом отшвырнув ногой пару пластиковых «стейков», преграждавших путь. Её золотые глаза зажглись алым огоньком маниакального энтузиазма, а хвост вытянулся в напряжённую струну, кончик его пульсировал, словно стрелка компаса, указывающая на эпицентр надвигающегося бедствия.

Она воздела руки, концентрируя свою демоническую энергию — ту самую, что в её мире использовалась для низвержения царств и разжигания войн. Теперь же эта титаническая сила будет направлена на благое дело — наведение кристального порядка!

— СИЛОЙ ТЬМЫ И ПЫЛЕСОСА! ДА СТАНЕТ ЧИСТО! — проревела она, выпуская сокрушительную, слепяще-тёмную волну магии, которая с шипением разлилась по квартире.

Эффект был мгновенным, тотальным и сюрреалистичным.

Пылесос «Титан-3000», до этого момента мирно дремавший в углу, взревел так, будто в его нутро вселился дух мстительного бульдозера. Его корпус затрясся, индикаторы замигали в паническом танго, и он рванул с места, как торпеда.

Но вместо того чтобы всасывать пыль, он с чудовищным хлоппаньем поглотил небольшой шерстяной коврик, который тут же исчез в его утробе с душераздирающим чавканьем. Не удовлетворившись этим, он с мощным ворчанием втянул в себя пару носков Вадима, безнадежно зажевав один из них, и, развернувшись, с диким воем устремился к окну, где на подоконнике в позе сфинкса грелся рыжий кот Барсик.

Кот, издав вопль, достойный души, томящейся в девятом круге Ада, взлетел на штору, как пушистая ракета, оставив пылесос яростно долбиться мордой о стекло в тщетных попытках втянуть в себя солнечного зайчика.

Тем временем по всему дому начался «Пляс Смерти» тряпок для пыли.

Они выпорхнули из-под раковины, словно стая обезумевших летучих мышей, и принялись не вытирать, а с размаху шлёпать по полкам и столам, размазывая пыль в причудливые, напоминающие ритуальные символы, густые грязевые узоры. Одна особенно ретивая тряпка с разбегу вцепилась в экран телевизора и принялась яростно «полировать» его, оставляя за собой жирные разводы.

Стулья в столовой затрепетали, как от удара током, и принялись яростно подпрыгивать на месте, выбивая из своих мягких сидений невидимых для демона пылинок. Их деревянные ножки выстукивали по паркету угрожающую чечётку, а один из них, переборщив с энтузиазмом, подпрыгнул так высоко, что снёс люстру, которая с трагическим звоном рухнула на пол, рассыпавшись хрустальным дождём.

Обеденный стол, подхваченный всеобщим безумием, с громким скрежетом сдвинулся с места и принялся выписывать неуклюжие пируэты, едва не прижав к стене один из неистовых стульев. Со шкафа посыпались книги, которые, вместо того чтобы упасть, начали лихорадочно перелистывать свои страницы, поднимая вихри бумажной пыли.

С кухни донёсся оглушительный грохот, похожий на звук падающего метеорита. Кружки и тарелки в раковине, получив магический импульс, яростно набросились друг на друга, пытаясь оттереть застарелые пятна от чая взаимной абразивной обработкой. Звон бьющегося стекла и керамики сливался в адскую какофонию. Одна фарфоровая тарелка с семейным гербом, с особенно фанатичным усердием, швырнула себя о металлический кран и с жалобным треском разлетелась на осколки, усеяв пол осколками былого величия.

— Нет! Стойте! Я не это имела в виду!» — взвизгнула Тиль, пытаясь перекрычать грохот и вой, и безуспешно пытается поймать пролетающую мимо её головы тряпку. — Прекратите! Отбой! Отменить миссию! ОТМЕНА ЗАКЛИНА-

НИЯ!

Но магия, выпущенная на свободу с такой искренней, пусть и невежественной, верой в результат, не желала отменяться. Она жила своей собственной жизнью. Хаос, однажды пробуждённый, стал её единственным и непредсказуемым повелителем.

Тиль стояла, охватив голову руками, в эпицентре бушующей бури, которую сама же и вызвала, с ужасом наблюдая, как её план по созданию идиллического уюта оборачивается тотальным апокалипсисом в отдельно взятой трёхкомнатной квартире. И тихо, почти молитвенно, прошептала:

— Папа был прав... иногда сила... она действительно не всегда ответ.

Апокалипсис достиг своего зенита. Пылесос «Титан-3000», окончательно свихнувшись, пытался засосать собственную тень, отчаянно долбясь о ножку шкафа. В этот момент за дверью раздался чёткий, неумолимый щелчок ключа в замке — звук, прозвучавший для Тиль как труба Страшного суда.

Она застыла с вырывавшейся тряпкой в руке, ощутив, как её сердце не просто упало, а совершило с тройным салто-то прыжок в бездну, высланную пластиковыми плитками и осколками былой роскоши.

Дверь медленно, со скрипом, словно нехотя, открылась, выпуская в эпицентр безумия единственную надежду на спасение и единственного свидетеля её позора.

На пороге замер Вадим. В одной руке — кожаный портфель, отягощённый грузом будничных проблем. В другой — нежный, нелепый в данной ситуации букет гербер, жёлтых и оранжевых, как карикатура на солнце в этом царстве тьмы и хаоса. Он купил их почти на автомате, движимый смутным чувством вины и каким-то новым, тёплым импульсом. Усталое, но спокойное после работы лицо было расслабленным.

Это спокойствие прожило ровно полторы секунды.

Его взгляд, привыкший выхватывать суть из сложных графиков и отчётов, попытался сканировать прихожую и сдался, потерпев сокрушительное поражение. Мозг, этот отлаженный механизм, издал тихий щелчок и отказался обслуживать запрос.

Гостиная, которую он оставил стерильно-идеальной, теперь напоминала помесь барахолки, полигона для испытаний оружия и мастерской сумасшедшего скульптора.

Повсюду валялись коричневые пластиковые плитки — они лежали на полках, как музейные экспонаты, торчали из-под дивана и даже, к его ужасу, были аккуратно разложены на спинке того самого дивана, который теперь стоял под странным углом, будто пытаясь спрятаться. По паркету красовались замысловатые грязевые узоры, словно их нанесла пьяная балерина, обутая в грязные тряпки. А по полу, утробно рыча и оставляя за собой чёрную полосу от того самого носка, нёсся пылесос, явно одержимый демоном нечистоты. Воздух был густым коктейлем из пыли, озона и запаха горя-

щей пластмассы.

Его глаза, широко раскрывшись, с нечеловеческим усилием проползли по всей этой катастрофе, минуя опрокинутый стул, люстру, лежавшую хрустальным трупом, и книжный шкаф, из которого, словно окровавленные внутренности, свисали потрёпанные страницы. И, наконец, нашли её.

Тиль.

Она стояла в центре бури, застывшая в позе античной статуи: «Паника в махровом халате». Его синий махровый монстр на ней был перепачкан с ног до головы, одна прядь чёрных волос липла ко лбу, а на щеке красовалось грязное пятно идеальной круглой формы, будто её ткнули в торт. Её золотые глаза, обычно похожие на два любопытных солнца, были полны такого вселенского, животного ужаса и вины, что, казалось, вот-вот прольются не слезами, а расплавленным свинцом отчаяния. В её сжатой руке, закутанной в рукав, отчаянно дёргалась и пыталась вырваться мокрая тряпка — последний символ её павшего господства над ситуацией.

Вадим медленно, как в самом душераздирающем артхаусном кино, опустил портфель. Пальцы его другой руки разжались, и букет ярких, невинных гербер с лёгким, трагическим шорохом упал на пол, прямо в лужу непонятного происхождения.

Лицо Вадима стало полотном, на котором сменялись шедевральные эмоции. Изначальный, первобытный шок:

«МОЙ ДОМ...», сменился полным, абсолютным недоверием к реальности: «ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ», перешёл в немой, обращённый к небесам вопрос «ЗА ЧТО?!», и, наконец, когда его взгляд снова встретился с её перепуганным, грязным личиком, сквозь все слои изумления, усталости и лёгкой паники, пробила и озарила его взгляд одна-единственная, чистая и совершенно невероятная в данной ситуации искра. Искра сдерживаемого, непреодолимого, дикого умиления.

Он смотрел на это маленькое, перепачканное существо, устроившее за один день то, что не под силу орде варваров, и понял — он не может сердиться. Он не хочет. Он произнёс всего одно слово, тихо, с придыханием, в котором смешались остатки шока, бездонная усталость и это новое, тёплое и щемящее чувство:

— ...Тиль?

И в этом одном слове содержался весь вопрос мирозданию, вся нелепость ситуации и начало чего-то совершенно нового.

Визуализация. Я просила МЯСО!

— Что... что это за существо? — прошептала она, охваченная дурным предчувствием.

 ДЗЫНЬ! — выпрыгнул второй такой же двойник.

 ДЗЫНЬ! — третий.

 — Нет-нет-нет, прекрати! — залепетала Тиль, тыкая в ручку настройки. — Я же просила мясо! МЯ-Я-Я-СО! А не эти... эти бездушные саркофаги для бутерброда!

 Но аппарат, словно одержимый демоном конвейера, продолжал своё безумие.

 ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ!

 Пластиковые «стейки» летели на стол, как град в апокалипсисе, скатывались на пол, застревали в складках её халата. Один особенно наглый экземпляр шлёпнулся прямо в её стакан с незаконченным соком.

Глава 6

Те несколько секунд, в течение которых их взгляды встречались сквозь дымящиеся руины бывшего уюта, показались Тиль вечностью, проведённой на раскалённой сковороде грешников.

Она увидела, как лицо Вадима, искажённое первоначальным шоком, стало абсолютно пустым, словно системный администратор, увидевший синий экран смерти на всех серверах одновременно. А потом на этом лице начало проступать нечто куда более страшное — медленное, неумолимое осознание масштабов катастрофы. В её груди что-то ёкнуло, сорвалось в свободное падение и приземлилось в желудке ледяной глыбой ужаса.

— Нет-нет-нет-нет-нет! — зашипела Тиль, и её руки сами взметнулись вверх, как у дирижера, который дирижирует не симфонией, а крушением поезда. — ВСЕМ СТОЯТЬ! ТРЕВОГА! ОТМЕНА! ОТМЕНА МИССИИ! ЗАКЛИНАНИЕ, СИЮ СЕКУНДУ ЖЕ ОТМЕНИТЬ, Я ПРИКАЗЫВАЮ!

Из её пальцев, её раскалённых докрасна рожек, да, кажется, из каждой поры её демонического существа вырвался новый, отчаянный импульс — не утончённая магия созидания, а грубый, первобытный магический пинок, рвущий ткань реальности. Это был аналог крика:

«ВЫДЕРНИТЕ ВИЛКУ ИЗ РОЗЕТКИ, ПОКА ВСЁ НЕ

ВЗОРВАЛОСЬ!».

Эффект был мгновенным, какофоничным и отчасти оскорбительным для законов физики.

Обеденный стол, застывший в неуклюжем балетном па, с таким грохотом рухнул на все четыре ноги, что из буфета посыпались ложки.

Пылесос «Титан-3000», уже начавший входить в раж и прицеливавшийся к ножке комода, издал звук, средний между предсмертным хрипом и отрыжкой, и затих, с позором выплюнув на пол безнадёжно испорченный коврик и одинокий, жеваный носок, словно признак своего поражения.

Тряпки, только что кружившие в неистовом танце, разом обмякли и шлёпнулись в образовавшиеся под ними лужи с видом мучеников, одна из них с шипением медленно сползла с экрана телевизора, оставив за собой длинный, саркастически медленный мокрый след.

Оглушительный грохот сменился звенящей, давящей тишиной, какой может быть только в саркофаге.

Тиль стояла, тяжело дыша, как загнанный зверь. Её грудь вздымалась под махровым халатом-палаткой, а в глазах плескалась паника дилетанта, осознавшего, что он только что запустил ядерную боеголовку, пытаясь включить чайник.

Она была вся взъерошенная — волосы торчали дыбом, на одном роге болтался клочок бумаги от разорванной книги, а щека была украшена благородной полосой грязи, словно

боевой раскрас.

Вадим всё так же стоял на пороге, не смея сделать ни шагу внутрь, словно его дом превратился в минное поле. Его взгляд, медленный и методичный, как у криминалиста на месте преступления, перемещался с одного объекта на другой: с пластикового «мяса» в вазе для фруктов, лежавшее там с наглым видом, на перевёрнутый стул, с захлёбывающейся тряпки на его любимом кресле на бездыханный пылесос с торчащим носком-флагом капитуляции.

И в этой могильной тишине, словно насмехаясь, раздался единственный, чистый звук. На краю кухонного стола, куда её отшвырнуло заклинанием «отмены», качалась последняя уцелевшая кружка с надписью: «Лучшему начальнику». Она совершала неторопливые, маятниковые движения, издавая тихий, размеренный, дразнящий стук о столешницу:

«Тик-Так... Тик-Так...»

Этот безобидный звук, словно щелчок по носу, вывел Вадима из ступора. Он медленно, очень медленно поднял взгляд от злополучной кружки и снова уставился на Тиль.

В его глазах читался один-единственный, исчерпывающий вселенскую несправедливость вопрос, обращённый к Богу, к дьяволу, к теории вероятности и к этому маленькому, перепачканному существу в его халате:

«КАК ВООБЩЕ ВОЗМОЖНО СДЕЛАТЬ ТАКОЕ ЗА ОДИН ДЕНЬ?»

Тик-так последней кружки звучал в звенящей тишине,

как метроном, отсчитывающий последние секунды перед казнью. Под тяжелым, изучающим взглядом Вадима, Тиль почувствовала, как по её спине пробежал ледяной рой мурашек, а кончики рожек предательски похолодели. Молчание становилось невыносимым. Надо было говорить! Объяснять! Оправдываться!

Её губы дрогнули и растянулись в робкую, вымученную улыбку, которая должна была излучать кристальную невинность, но больше напоминала гримасу пациента после неудачной стоматологической операции. Её золотые глаза метались по комнате, выискивая хоть какой-то безопасный объект для фокусировки, но повсюду были лишь свидетельства её преступления.

В панике её хвост, действуя на автономном режиме выживания, подцепил с пола замершую, мокрую тряпку и лихорадочно попытался зашвырнуть её за диван, как преступник избавляется от окровавленного ножа. Тряпка, описав неуклюжую дугу, бесславно шлепнулась ей же на голову и повисла на роге, как трофей неудачника.

— Это не я! — выдохнула она, наконец найдя голос, который прозвучал тонко, визгливо и до неприличия лживо. — Честное демоническое! Это... это заклинание взбунтовалось! Оно совсем меня не слушалось! У него собственный характер!

Она сделала неуверенный шаг вперед, спотыкаясь о пластиковый «стейк», и широким, театральным жестом обвела

рукой апокалипсис, словно экскурсовод в музее естественной истории хаоса.

— В магических фолиантах всё выглядело гораздо... элегантнее, — добавила она жалобно, словно этот аргумент мог всё оправдать. — Там пыль просто растворялась в сиянии, а вещи сами становились на места под звуки небесных лир! А тут... — её голос сорвался на фальцет, — тут всё пошло в разнос! Оно живое, твоё жилище! Оно сопротивлялось!

Вадим все еще стоял у порога, как скала среди бушующего моря безумия. Его лицо было маской стоического спокойствия, но мелкие мышцы вокруг глаз и рта подрагивали в странном ритме, словно внутри него шла гражданская война между инстинктом крика и диким, иррациональным смехом, который рвался наружу, угрожая сорвать все клапаны.

Собрав всю свою выдержку, он медленно, почти церемониально, как самурай перед харакири, поставил портфель на единственный свободный угол прихожей тумбочки. Затем так же медленно, с грацией хирурга, наклонился, подобрал с пола упавший букет гербер, отряхнул его от прилипшего пластика и положил рядом с портфелем. Яркие, жизнерадостные цветы выглядели насмешкой, нелепым пятном нормальности на фоне тотального разгрома.

Наконец, Вадим поднял взгляд на Тиль. Его глаза были серьезны, но в их карих глубинах, прямо у самых зрачков, плясали те самые предательские искорки — смесь изумления, отчаяния и то ли умиления, то ли начинающегося по-

мешательства.

Он глубоко, очень глубоко вздохнул, и этот вздох был красноречивее любого трактата по философии. В нём было всё:

«За что?», «Как?», «Почему я?» и «Чёрт поberi, но она же выглядит как мокрый, испуганный котёнок!».

Тиль замерла, сжимая и разжимая пальцы в огромных рукавах халата, превращая их в подобие махровых кулачков. Она смотрела на него, как провинившийся щенок, который не просто перевернул дом, а случайно запустил баллистическую ракету по сараю соседа, и теперь ждёт неминуемой кары, не смея даже пискнуть. Единственное, что выдавало в ней демона — это едва слышное, шипящее завывание, произвольно вырывавшееся из её горла от перенапряжения.

Тиль замерла, вжавшись в пол, как винтик в механизме неминуемой расплаты. Она видела, как напряглись плечи хозяина дома под дорогой тканью пиджака, и мысленно уже прощалась с контрактом, свободой и, возможно, с собственной шкурой. Она приготовилась к оглушительному рёву, к изгнанию в крошечную тьму, к чему угодно, но только не к тому, что произошло дальше.

Вадим медленно, с театральной, почти усталой грацией, расстегнул пуговицу пиджака и сбросил его на вешалку в прихожей, до которой, к счастью, не добралась волна хаоса. Он сделал это с таким видом, будто возвращался с обычного

рабочего дня, а не вступал на территорию, напоминающую последствия вторжения мародёрствующего орка.

— Так... — произнёс он на удивление ровным, глубоким, почти медитативным голосом, медленно обводя взглядом разруху, как архитектор, оценивающий масштабы реконструкции. — Ничего страшного не произошло.

Тиль моргнула так сильно, что у неё зашумело в ушах. Её собственные рожки, казалось, насторожились и вытянулись, пытаясь уловить малейшие признаки сарказма или скрытой ярости в его тоне.

«Он что, не видит? Или это такой изощрённый вид пытки — убить добротой?»

— Никто не пострадал, — продолжил он, и его взгляд, тёплый и тяжёлый, скользнул по ней с ног до головы, будто проверяя это утверждение на предмет царапин или ушибов. — А вещи... вещи наживные. Сейчас просто всё приберём. По полочкам.

Этот спокойный, разумный, до мозга костей человеческий тон подействовал на Тиль сильнее, чем самый оглушительный демонический рёв. Напряжённые плечи её вдруг обвисли, а хвост, который она вжимала в спину, словно пытаясь сделать себя невидимой, осторожно высвободился и повис в воздухе, выражая полнейшее недоумение и робкую, дрожащую надежду.

Вадим не стал ждать ответа. Он подошёл к поверженному «Титану-3000», который лежал на боку, бессильно раски-

нув шланг, словно поверженный железный зверь из сказок её детства.

Он присел на корточки, и Тиль, заворожённо, на цыпочках, подошла ближе, как ученик к великому мастеру. Он аккуратно, с некоторым усилием, вытащил из трубы несчастный, безнадёжно деформированный носок, а затем, с ловким движением фокусника, извлёк и безнадёжно скрученный, испачканный коврик.

— Вот, смотри, — сказал он, и его голос приобрёл практические, инструктивные нотки, как у отца, объясняющего ребёнку, как завязывать шнурки. Он повернул пылесос, нажал на колёсико блокировки и показал на большую зелёную кнопку. — Он сам не поедет. Им нужно управлять. Вот эту кнопку — нажал. И вот так — водишь медленно по полу. Видишь? Никакой магии. Только физика и терпение.

Тиль смотрела, широко раскрыв глаза, на этот странный, почти языческий ритуал. Её демонская логика, настроенная на великие заклинания и всплески чистой энергии, не могла смириться с такой примитивной, почти унижительной для могущественного прибора процедурой.

«И... и всё? Просто толкать? Без призыва элементарей воздуха? Без кровавой жертвы? Какой варварский, неэффективный метод!»

И тогда Вадим, закончив демонстрацию, поставил пылесос обратно и с лёгкой, понимающей усмешкой добавил, глядя на её ошеломлённое лицо:

— Хотя, если честно, этим монстром я уже лет пять не пользовался. Он больше для антуража.

Он прошёл в угол гостиной и нажал кнопку на небольшом, приземистом, похожем на летающую тарелку диске, лежавшем на зарядной станции. Тот тут же издал жизнерадостный гудок и засветился синим, гипнотизирующим светом.

— Вот мой главный труженик. Робот-пылесос. Зовут его «Шуршун».

Тиль смотрела на это круглое, самодвижущееся устройство, которое деловито и бесстрастно поехало под диван, с таким благоговейным ужасом, с каким её предки, наверное, впервые смотрели на извергающийся вулкан.

— Он... он сам? — прошептала она, указывая дрожащим пальцем, закутанным в рукав. — Без заклинаний? Без приказа? Без... души внутри?

— Сам, — кивнул Вадим, и в его глазах наконец-то вспыхнула та самая, сдерживаемая всё это время, тёплая и широкая улыбка. Она достигла уголков его глаз, смягчив всё его усталое лицо. — У него тут своя магия. Называется «программирование» и «датчики». Сложно, но честно.

В этот момент, глядя на то, как бездушный механизм исполняет свою работу с идеальной, безропотной точностью, Тиль с внезапной ясностью поняла, что люди, возможно, куда более странные, изобретательные и в чём-то даже более могущественные существа, чем все демоны её мира, вместе взятые. Их магия была не в криках и вспышках, а в тихом,

неустанном жужжании, которое могло пережить любой, даже самый эпический, магический шторм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.